

Б И Б Л И О Т Е К А

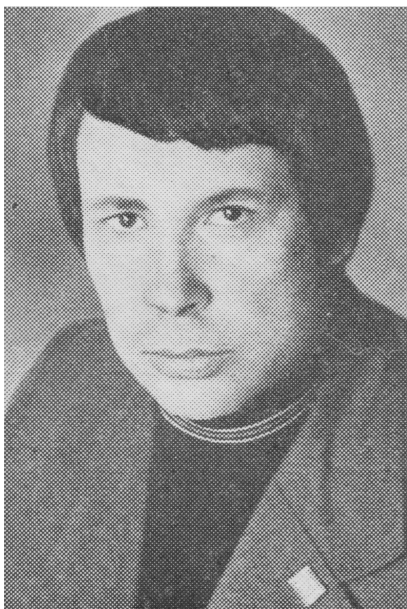
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 27

1982

Николай БЫКОВ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

**ЭТО ПРОИЗОШЛО
В ТАЛСАХ**

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 27

Николай БЫКОВ

ЭТО ПРОИЗОШЛО В ТАЛСАХ

ОЧЕРКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1982 год

Николай БЫКОВ

Николай Андреевич Быков родился в 1930 году в Москве. После окончания сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева работал корреспондентом «Комсомольской правды». С 1960 года Николай Быков — корреспондент журнала «Огонек», на страницах которого печатались его очерки «Последний снег», «Вместе с Сотниковым», «Против неба — на земле», «Серп», «Бахтины», «Земля велит», «Гелиантус — цветок солнца», «Море Губкина», «Полотно», «Талсы предлагают модель» и многие другие. За серию очерков «Валдайские родники» Николаю Быкову присуждена премия Союза журналистов 1976 года. Многие очерки были отмечены премиями «Огонька». В Библиотеке «Огонек» вышли следующие книжки очерков Николая Быкова: «Поздняя сирень», «Против неба — на земле», «Черный аист».

ВАЛДАЙСКИЕ РОДНИКИ

— *Ты не угадаешь, мой ангел,
откуда я к тебе пишу...*

Из письма А. С. Пушкина
к жене.

Писал Пушкин молодой жене с дороги, из имения Вульфа, что неподалеку от Торжка.

Нет другого пути из Петербурга в Москву oprичь этого. Никто его при всем желании не мог бы миновать, направляясь из Северной Пальмиры к сердцу Родины нашей, никто — ни путешествующий соотечественник, ни гость, ни лютый враг. Старая большая дорога, заповедные места — «друг милый, предадимся бегу...».

Кажется, только что вернулся из путешествия по Верхневолжью. Все, что встретилось интересного окрест великого истока, легло в очерки о благословенной, многотрудной земле, такой древней и такой молодой. Возвращение к истокам... Такое пережить — долго помнить!

Валдай! У одних народов есть Джомолунгма, у других Килиманджаро, у иных Монблан... У нас, россиян, Валдай. Отсюда хорошо просматриваются дали синей — в дыхании лесов, в разливах озер — России, видны колыбель революции Ленинград, лесопарковое Подмосковье, торжокская степь, раздвинувшая мелколесье, ослепительной белизны реставрированные храмы Суздаля, Ростова Великого и Углича, извeстью беленный склеп в Святогорье, зеленая могила в Ясной Поляне, заокские, заставленные стогами луга, что напротив села Константинова, и, конечно, державная, в рубиновых звездах Москва. А еще дальше — повзрослевшая Волга, сестра ее Ока и темная гряда Урала... Земля Александра Невского, Аввакума, братьев Третьяковых, Ивана Сусанина. Земля Константина Заслонова и Лизы Чайкиной. Родина Пушкина, Некрасова, Толстого, Островского, Циолковского, Есенина. Валдайские вершины, валдайские родники... С этой зеленой земли отправились в космические дороги гжатский парень незабвенный Юрий Гагарин, ярославская комсомолка Валентина Терешкова... Берег Волги — родина В. И. Ленина. И родина Афанасия Никитина, Олега Макарова...

Дорога напоминала, открывала, вела. Дорога останавливала: «Не спеши, помолчи...»

Именно эти места хранят родники неисчерпаемых духовных ресурсов русского народа, который самоотверженно на протяжении долгих десятилетий помогал всем без исключения братским народам Советской страны встать крепче на ноги. Иначе нельзя было. И вот, образно говоря, пришло время перекачать-перебрать старую русскую избу. Отныне сыновьям предстоит подвести под родительский дом новый фундамент, выпилить заново широкие, для витринного стекла окна на все четыре стороны. Такая работа глаз радует, душу отогревает, веселит сердце. Предстоит заново сотворить давно выпавшее, малоплодородное поле, заново перестроить деревню.

Родина Волги: родник и медленный поначалу ручей. Вечное движение через время и пространство, через историю и поля России.

— Музей Волги! Вот о чем давненько мечтаю, — говорил мне Виктор Иванович Павлов, секретарь Осташковского горкома партии.

Музей Волги — славная идея, которую грех не реализовать. Нужда в подобном музее огромная. Волга — кормилица, поилица. Волга — бунтарь. Волга — солдат. Волга — голубоглазая старуха мать в многодетной семье народов России. Павлов уже и место присмотрел, где быть музею Волги.

А вот и она — еще в зеленой колыбели высоченного осота. Стрекозы, стрекозы... И не верится, что это она, наша Волга. Но это так, это ее короткое детство. Здесь произрастает простая неоспоримая мысль: в общем-то у нее, у Волги, миллионы сыновей и дочерей. Многие миллионы — в разных веках, в разных городах.

Волга впадает — нет, пока не в Каспийское море, что непременно случится через три с половиной тысячи километров ее жизни, — а впадает Волга-дитя в озеро Стерж, перетекает в озеро Вселуг, потом разливается, поднимается Волго-озером. И всю-то юность ее оберегают стройные непроглядные леса по берегам.

В июле приволжские леса теплые, тихие, полные пьянящих запахов. Запахи лесов, вплотную подступающих к неоглядной воде Селигера, не отпускают даже в минуты быстрого лета на катере с подводными крыльями. На Селигере свывше ста шестидесяти островов, а вдали колокольни и дома Осташкова. Не озеро — гирлянда озер. Здесь некогда ледниковый лед таранил сто кряжей Валдая. А недавно Валдай таранили орды фашистского нашествия. Селигер они не прошли. Набатно и горько звучит реквием Твардовского: «Я убит подо Ржевом...» Это рядом, на той же тверской земле...

«Источников Волги искать? — некогда осведомился губернатор у путешествующего А. Н. Островского. — Не найдете». Писатель нашел. В наше время сюда, к месту рождения Волги, паломничество. Однако добавлю к записи столетней давности: добраться до Великого родника и сейчас трудно. Свежая, залитая асфальтом дорога

упирается в Осташков, а дальше — кто как сможет. Сухим летним днем еще удастся дошагать до Волговерховья, а вообще-то нормальной для конца XX века дороги к нему пока нет...

— Слышите тишину? — спрашивал отдыхающий в Залучье профессор университета из Калинина Сергей Петрович Савельев. — Целительные места! Сосна, песок, тишина, большая вода, постоянная смена озер, излук, островов. Большой смысл, глубокая философия живой жизни во всем этом. Прекрасно! Слушайте тишину, и вам откроется многое, сокровенное...

И открылось. Как когда-то открылось Есенину: «О Русь — малиновое поле и синь, упавшая в реку, — люблю до радости и боли твою озерную тоску...» Из-за рубежа сюда, в эти старорусские области, в города верхней Волги охотно едут и едут туристы, деловые люди, компаньоны по торговле. Улицы Осташкова, Торжка, Калинина, Углича, Ярославля, усадьбы в Карабихе и Щелькове запружены приезжими. В глазах отечественных и иноязычных паломников любопытство, удивление, восторг и попытка понять, разгадать, постичь. Как, кто, когда успел среди лесов и топей воздвигнуть все это непостижимое, прекрасное, вечное? Экскурсоводы еще и еще раз объясняют: русские мастера. Гений нации. Народ. Экскурсоводы терпеливы. И все же для гостей такое непостижимо: супесь, подзол, на них трава либо лес непроходимый. А туда же! Храмы воздвигнуты неписаной красоты, города какие! Русь сроду изынная; да рублена-то она из кондового дерева, не умеющего и через полтора-два века истлеть... Есть, есть чем гордиться, что показать, что беречь для потомков. Поистине Золотое кольцо — эти жемчужины древнего русского зодчества. Памятников старины много и в середине того кольца и вне его. Реставраторы это знают. Знают и в городских, районных Советах; святым делом восстановления исторически ценных, дорогих русскому сердцу, русской памяти зданий заняты лучшие люди. Дело энтузиастов вызывает ответное чувство благодарности. В дневниках Л. Н. Толстого встретилась простая и великая мысль, которая вновь и вновь загоралась в дни путешествия по Верхневолжью: все недоброе в сердце человека должно бы, кажется, исчезнуть в соприкосновении с природой — этим непосредственным выражением красоты и добра...

Глубоко человечно воздействие зеленого и голубого мира на человека. Сосны, черемуха, нагретые солнцем опушки лесов с земляничкой, затаившийся еж, птичий пересвист, горькие дымы костров, мирные стада возле рек... Там и тут поля — небесной чистоты льны, овсы сизыми туманами клубятся, тропа во ржи, и рядом мощная озимая пшеница, переселившаяся из украинской степи. Полям тесно среди лесов, а в лесах, к счастью, все больше строго охраняемых, водятся и лоси, и бобры, и зайцы, и кабаны, и белки. Много птиц — более двухсот видов, в том числе языческая птица глухарь. К слову,

лишь в районе Селигера охотничьи угодья охватили более ста тридцати тысяч гектаров. Говорят, полсотни населенных медвежьих берлог известны сейчас егерям только в этом углу тверской земли, а в костромских-то дебрях их насчитали до пятисот. Вообще же здесь, например, в Калининской области, немало заповедников, заказников, в том числе и бобровых. Очам созерцателей отрада. А мужчинам, владеющим культурой охоты,— отдохновение. И переживания чистой, корыстью не замутненной страсти, которую не раз испытал Некрасов, исходивший места между Ярославлем и Костромой. Это ему писал любезный приятель Гаврила-егерь: «Что шаг, то дупел или бекас, а уж этой белой куропатки так видимо-невидимо...»

Конечно, не надо бы эти места так умирительно славословить во всякое время года. Хороши они в июле, ну, еще в начале августа. Много пышной зелени, воды в прозрачных речках; нарядно, полетному одетых людей на дорогах и улицах, большей частью дачников и туристов. Но для кого же тайна, что во все остальное время года — до и после лета — в областях Верхневолжья да и севернее низкое, несветлое небо, под ним бездорожье — бич глубинного края. У этих заповедных мест свои беды: скудные дальние поля, запущенность в лесах. Правда, сейчас в каждой области глубоко продуманы схемы социально-экономической планировки, по которым многие деревни поспешно наречены «неперспективными» («Неперспективные мы! Стало быть, не на проспекте деда построились, а жизнь, вишь ли, обошла наши Починки», — слышал я в дальнем углу Ярославщины). Социологи и писатели, наши современники, со всей ответственностью свидетельствуют, что здешняя деревня намного отстала в нынешнем ее виде и состоянии от современной южной деревни. Это так. Но долго еще ей жить-быть в памяти, рассказах наших, в поэзии деревенской прозы. Да и как ей оставаться в прежнем качестве, — слишком многое и многих отдала здешняя деревня городу. И ничего не сделаешь, таков был ее долг. В первый раз деревню покидали еще в самом начале развития капитализма в России, вдургорядь и тоже вынужденно — в годы первой империалистической войны; а после гражданской крестьян с их тяглом позвали на восстановление разрухи, позже — на стройки пятилетки, еще позже — миллионы лучших, самых способных, самых здоровых, выносливых ушли на защиту социалистического Отечества. А тех, кто остался в живых, кто подрос солдатам на смену, поманили стройки послевоенных пятилеток, городские заработки...

И вот, казалось бы, неисчерпаемый источник рьяной, охочей до работы людской силы иссяк. Например, в костромской деревне, как сказали мне в обкоме партии, жителей за последнюю четверть века убавилось почти вдвое. Но и это бы не беда, да среди оставшихся-то больше половины людей пенсионного возраста и старше. Своих рук деревне все чаще не хватает, чтобы отбиться от нашествия

кустарников, избавиться от болотины, одолевая с прежним упорством бездорожье и весной и осенью, чтобы вытеревить да расстелить под затажные дожди и вновь собрать бесчисленные снопы льна. Постарела северорусская деревня, породившая немало городов наших. Самое время позаботиться о второй ее молодости, новой долгой жизни. Концентрация людей в местах современных технологий естественна. Этот процесс необратим. И там, где бывшее село обернулось новым, красивым поселком с интересным производством, там по-прежнему пленяют новоселов картины русских полей, лесов, рек, пойменных лугов.

«Мирный» — так называется новый многоэтажный поселок возле древнего Торжка. По-новому спланированы поля Всесоюзного научно-исследовательского института льна в том же Торжке. Неузнаваемо изменились совхозные пригороды Калинина, где наука поселилась рядом с сельскохозяйственным производством. А как преобразили мелиораторы «Главнечерноземводстроя» пойму реки Яхромы! И так повсюду, где созидание и мечта преобразуют отчие, заповедные земли.

О Русь — малиновое поле!.. Пламенеют с восхода до заката солнца высоко взметнувшиеся султаны кипрея. Иван-чай!.. Куртины его, как сбившиеся вместе знаменосцы, попадались и возле темного ельника, и над карьером, где берут песок, и у речного обрыва. И где только не пламенеет вымахавший под облака цветоносный кипрей! Вот ведь многое видел я — мощные ГЭС, современные гиганты индустрии, машиноспытательные станции, — а запомнились еще и малиновые куртины кипрея, и кунца, молнией проскочившая однажды между медных ветвей сосняка, и жутковатое чудо завезенного из Франции стекловидного угря, и леса, обступившие, как и столетия назад, Кострому; и «Ракета» на ступенях волжских шлюзов под Угличем. А еще зеленые лабиринты архипелага на Селигере и сам Селигер, который напоминает кусок неба, упавшего на края Валдая; упало и расколотилось драгоценное зеркальное стекло! Земля пращуров наших, кривичей. Земля красивая. Земля, которая сегодня, как никогда, нуждается в помощи поколений деятельных и умелых, способных возродить былую славу этого края нашей Родины. К счастью, большие планы обновления его осуществляются...

Прекрасно, что человек может путешествовать! Так-то оно так, но глубоки ли впечатления путешествующего на современных скоростях? Имеет ли и он право на выводы достаточно серьезные? Вот что на сей счет писал в «Авторской исповеди» Николай Васильевич Гоголь: «Разъездами по государству много не возьмешь: останутся в голове только трактиры да станции». Впрочем, существует и другая точка зрения. Как-то в конце 20-х годов Пришвин писал Горькому в Италию, звал назад, в Россию, и, конечно, к себе в Загорск: «...Мне очень хочется пройтись с вами в Пасад за баранками, по-моему, сразу все тут и увидите». Вот побывал один только вечер в Залучье, что на

Селигере, и еще один день в Костроме — там и тут бросились в глаза приметы сегодняшней действительности, характерной для огромных пространств нечерноземной России. Было чему порадоваться и чему удивиться. Самобытность мила, но куда важнее движение во времени согласно идеям научно-технической революции, которые здесь и не noticing.

Некрасов писал, мол, что ни мужик, то новость. Ему вторил путешествующий Островский: каждая мужицкая физиономия значительна (я пошлых не видал еще)...

Новостей, встреч у меня было немало. Новости несли Е. Максимов, Н. Новожилов, В. Молчанов, П. Смирнов, Н. Абросимов — председатели колхозов, директора совхозов. Об этих встречах речь впереди. А пока течет Волга!..

Медленно минует нас и остается позади, хотя долго еще маячит между небом и землей старая колокольня, что оказалась почти по пояс в быстрой волжской воде — достопримечательность Калязина. Но вот и ее уже не видно, только ржаво-золотая маковка тлеет на закате. Да разливается уж очень широко, сколько глаз охватит, багряная вода.

«Друг милый, предадимся бегу нетерпеливого коня...» Но коня-то как раз и не было. Лошади с путами на крепких ногах, изнывая от безделья, балуя и валяясь, пасутся по берегам и обочь дороги. Лошади не в чести. А иная в пору летних отпусков лошадь — жертва неовандализма, и тогда душа обливается состраданием к безответному, такому прекрасному животному, живущему с отечеством моим от самых его истоков...

*Деревня звучала и пела,
как будто новорожденная.*

Н. В. ГОГОЛЬ,
«Мертвые души».

Из Малинников, что не так уж далеки от Торжка, Пушкин весело писал Дельвигу, как однажды раскапризничались барчуки гостеприимного дома: «Не хотим черносливу, хотим Пушкина». Нечто подобное испытывал и я в дороге. Не хотелось туристического «черносливу», соблазнов сервиса на экскурсионном Золотом кольце.

В дороге пришлось и такое услышать: Нечерноземье, мол, — это давнее прошлое и, несомненно, будущее; а вот настоящего как раз и нет. Так ли? И вот волокут меня на тракторной волокуше от центральной усадьбы совхоза «Матвеевский» на дальнее отделение в гости к прославленной доярке костромской земли, Герою Социалистического Труда Серафиме Константиновне Крыловой. На волокуше! Заменявшей автобус по причине уж очень разбитой лесной дороги. Там, за полями, за лесами, многое открылось; запомнились рассказы о деревенском житье-бытье...

— Ну-тко, встану, погляжу, хорошо ли я лежу! — озорвало поволжски окающее многоголосье. Женщины впервые в жизни ехали в сторону Юга. Отпуск — это было так непривычно для них, колхозниц во втором поколении. Но председатель, человек начитанный, прогрессивный (и колхоз называется «Прогресс»), настоял: отдыхайте, бабы. И деньги немалые плачены и заслужили. Стало быть, привикайте к правильной жизни. И вот он, сказочный Севастополь:

— Ой, Аграфена, воды-то, воды-то!

— Слышь, не море ли, бабоньки мои?

— Солона больно вода-то! Рассол, прямо рассол...

Они закатили нарядное разноцветье и опаско попробовали ступить в тугую воду моря. То был несказанный праздник души. Подарок лета 1976 года... Примета небывальщины.

Или братья Чистяковы! Вот люди, богатыри, отдельного рассказа заслужили. Живут и работают в Молоковском районе на тверской земле. Оба возглавляют механизированные звенья. Старший брат, Иван, лен выхаживает; Анатолий выращивает картофель, у него поток налажен, обходится почти без ручного труда. Так вот оба брата — Герои Социалистического Труда. Соревновость, удаль, любовь к земле не дают им спать, хорошим людям...

Приметы, приметы нечерноземной стороны.

Вот говорят, что пашенной земли в этих местах мало. Я прикинул: действительно, на деревню в среднем приходится не более четырехсот гектаров; в иных — степных — местах одно звено механизаторов без перенапряжения с таким наделом справляется. И никаких проблем. А тут деревня!

Передовые звенья — такие, как два звена Чистяковых, пока исключение. А сами поля? Шапкой иное накроешь. С новой техникой, с К-700 тут не развернешься. У мелиораторов и землеустроителей есть понятие: «контурность поля». Так вот, в Калининской области, например, контурность поля в среднем не превышает... четырех с половиной гектаров. В Костромской области наверняка эта цифра еще меньше. Понятно, что контурность поля — среднеарифметический, технический показатель. Но и он о многом говорит: новую технологию, комплексную механизацию не применить. Рядом с опытно-производственным хозяйством имени Ленина, что под Торжком, лежат колхозные деревни, где свой век коротают последние старушки. Таких деревень не тревожат, пусть доживают свое. Дирекция опытного хозяйства мечтает в будущем перепахать их плантажными плугами вместе с полями, чтобы нарезать новый севооборот. Будет торжокская степь!

Но такие деревеньки еще не умерли, они еще длят свою жизнь. Конечно, мешают мелиораторам, землеустроителям перекраивать Нечерноземье. И ничего не поделаешь, надо ждать. На земле того же

костромского совхоза «Матвеевский», когда возвращались от С. К. Крыловой, видел я деревню, рассыпавшуюся по бревнышку. Ни избы! Кроме, пожалуй, единственной, крайней. На крыльце ее сидел голубоглазый старик с мальчонкой. В руках держал топор, по всему видно, отдыхал. Работа последних дней старика была вся на виду, он затеял обнести родную деревню новой изгородью. Зачем? Чтобы люди не тороили тропы? Чтобы трактористы не запахали порядков или кто чужой не собрал бы изжившие себя бревнушки? А может быть, старые руки дела искали? Или возводил старик оборону перед осенним нашествием лосей и кабанов?

И такое встречалось.

Иная картина в колхозе «Россия» Торжокского района. Здесь место председателя, опытного и долготерпеливого крестьянина Михаила Константиновича Максимова по праву общего голосования занял его сын — Евгений Михайлович. Нужды нет, что ему не было и двадцати пяти!

Прошло пять лет. Колхоз по-прежнему лучший в районе, доходы растут. Евгений Михайлович очень симпатичный человек, выдержанный, знающий. Ни окриков, ни черных слов брани. Это и отцовская черта и благоприобретенное — такт, культура. Отсюда и чувства уверенности, достоинства. Они передаются и колхозникам, в первую очередь специалистам. Даже детям — на полях летом охотно, с азартом работают юные родственники колхозников, приезжающие «на дачу» из Калинин, Ленинграда, Новгорода. Хорошо. Но колхозов, живущих по законам единой семьи, характерным для артели, таких колхозов встречалось меньше. Рядом с ними силу набирают сельхозпредприятия, у которых своя организационная структура, свои внутренние взаимоотношения, иная поэтика труда — больше от инженерии, от прямолинейности геометрии. Такие новорожденные предприятия по характеру жизни коллектива более современные? А в колхозном селе многие, в том числе и производственные, вопросы решаются по-родственному, что ли. Взять проблемы льноводства. Славу колхозам северо-западных областей дают удивительные льны. А лен требует воистину материнского ухода. Так вот, машины машинами, но именно руки колхозных мастериц делают северный шелк. В поле выходят семьями, а не «штатным расписанием». Учитывая это, государство совсем недавно повысило закупочные цены на лен, тем и подкупило старух.

— Ловите час, когда льны цветут! — говорил Евгений Михайлович.

И я ловил. Где поле, где небо? Слепил голубой разлив. Гектар — каждый — дает больше тысячи рублей, так что высока тут цена старых бабушкиных рук...

Есть и еще пример счастливо сложившейся колхозной судьбы — знаменитая «Горшиха» Ярославской области. Тут мое сердце,

признаюсь, дрогнуло. На теплом асфальте тихой, зеленой улицы я увидел крепкого белоголового мальчика с характерными чертами лица всех Абросимовых: крутолобый, скуластенький, взгляд пристальный, выжидающий.

— Андрюша, внук, — представил самого младшего из династии Николай Ильич Абросимов, председатель «Горшихи». Он явно любовался мальчиком, занявшим чуть ли не всю улицу — так прочно и широко стоял внучек, ожидая деда, чтобы ехать с ним к «коровкам»; да вот чужой дядя помешал заманчивой прогулке. А я думал о своем: внук председателя? Так это, значит, правнук Ильи Ивановича Абросимова! Какая же она долгая, жизнь... Дело в том, что я хорошо знал и отчетливо, живо помню прадеда глазастого мальчика, который так равнодушен к «коровкам». Двадцать два года назад великодушное дойное стадо колхоза «Горшиха» экспонировалось на ВСХВ в Москве. Там, на выставке, не раз и о многом мы разговаривали с главой горшихинской бригады Ильей Абросимовым.

Четверть века «Горшиха» — лидер ярославских колхозов. Сюда непременно везут всякого гостя. Частью уже построена в Медягине новая центральная усадьба, и село обрело некие черты, ставшие общими скорее для типовых поселков. Хотя дома колхозников тут всегда были красивы на загляденье: резьба, высокие коньки, петушки, веселая покраска, аккуратный штакетник, воротца. Ко всему традиционному, ухоженному, деревенскому добавились теперь асфальт, водонепроницаемые колонки возле иссякших колодцев, новая площадь с автобусной остановкой и доской Почета, новая столовая. И свой вертикальный микрорайон: многоэтажные кирпичные дома. На три подъезда каждый. Центр утопает в цветах — цветы вдоль тротуаров, на детской площадке, в палисадниках, под окнами первых этажей. И в лоджиях — цветы.

— Посмотрел бы батька! — не раз повторил за день знакомства Николай Ильич. Я вспомнил отца его, Илью Ивановича, вспомнил, как в 1954 году он рассказывал, почему крестьяне Медягина назвали свой колхоз «Горшихой». Не было на земле, по твердому убеждению старожилов, горше этого места. Но то была их родина. Здесь бились родники их жизни. Елки, кочи, топь невылазная... Поезда проходили вроде бы и не так уж далеко, но к ним боялись ходить: топь подстерегала и конного и пешего.

— Дно Ярославщины, сюда к нам вся вода стекала!..

Как только сблизил в артель, взялись миром за лопаты — стали канавы копать. Мелиорация! Но тогда такого слова не слыхивали, просто копали и копали по пояе в жиже, обрезая руки, шеи, лица об осоку. Копали, чтобы спустить воду, сделать себе первые поля, хотя бы под картошку и овес.

Прошли долгие годы. Вот уж и правнуки поднялись на ноги. Горшихинские болота остались разве что в памяти, в обязательных

рассказах для частых гостей да в названии колхоза. Топи постепенно обернулись рукотворными полями. Да какими! Здесь родина канищевских клеверов. Когда волонтеры заставляли распахивать богатейшие эти клевера, старик Абросимов (неистовый Илья Иванович) стоял насмерть у родных полей: «Что вы делаете? Остановитесь! Не будет прощения за такое!..» Отстоял.

— Не хвастаясь, скажу: мы чувствуем себя устойчиво. Земля, которую своими руками сделали, не подведет. Вся экономика от нее, от земли. Говорите, нечернозем? Ну, что ж. Это правда, цвет у нашей земли действительно не ахти. Не того. Но сильна земля хозяином, а не только процентом гумуса...

Так объяснил ситуацию седой Николай Ильич. «Горшиха» обрела славу и немалые доходы благодаря верно угаданному направлению развития в условиях Нечерноземья, а значит, высокой кислотности, бывших болот, зажатых стенами лесов со всех сторон. Направление это — животноводство. Молоко! Как только напали на свою статью дохода, своего интереса, благополучия, так ни на год, ни на день с нее не свернули. Не нашлось такой силы, чтобы лишить «Горшиху» ее верного дела. Рукотворные поля дают богатейшие травы, надежный зернофураж. И земля до сих пор выдерживает необыкновенно продуктивное стадо. Кстати, в «Горшихе» есть свой клуб доярок-четырехтысячниц. Председатель клуба, Герой Социалистического Труда Ольга Ивановна Абросимова смеется: не доярки, однако, а коровы-четырехтысячницы! Ну да так уж назвали клуб. И всем понятно. А вообще-то средний надой в колхозе давно выше и достиг пяти тысяч килограммов на корову. Таких ферм в области и стране немного. И это при высокой жирности, при низкой кислотности и надежно высокой чистоте продаваемого молока.

Стадо свое создавали всем колхозом. Но главным тут был и остается чудодей — Иван Егорович Жариков. Не скудеет земля русская на таких самородков, как Жариков, Малинина, Абросимовы — отец и сын! Иван Егорович вывел горшихинских коров путем многолетнего непрерывного отбора. Знамениты ярославки. Пестрые — черное с белым, — небольшие сами по себе, но такие удойные (Ольга Ивановна выразилась: «удобные»), такие способные к раздоям. Даже если и корма случаются не того... Но, как часто бывает, высоко оцененный народом талант Ивана Егоровича — он Герой Социалистического Труда, авторитет во всероссийском масштабе — до сих пор не увенчан ученой степенью. «Неостепененный он у нас ученый», — говорят односельчане о Жарикове. Ему, разумеется, и горя мало. Время дорого для дела, но соратникам обидно. Об этом говорил, например, главный зоотехник колхоза, молодой еще и уже кандидат сельскохозяйственных наук Николай Аксененков. Кстати, он-то как раз защитил свою диссертацию на материале, собранном в родном колхозе.

Николай Ильич как-то за клубникой со сливками поведал о давнем споре с Прасковьей Андреевной Малининой. Ясно, что Прасковья Андреевна горда своей костромской коровой, той самой, что создал всем на удивление другой кудесник — Штейман. Известно, соавтором новой породы является сама Малинина, прославленный председатель колхоза «12 Октябрь», теперь уже дважды Герой Социалистического Труда. Так вот, как-то давно они на людях поспорили, и горячо поспорили. Юмор, кстати, в том, что совещание проходило в областном цирке. Острая на язык Малинина в ходе специальной дискуссии на тему, чья корова лучше, даже обозвала как-то нехорошо малорослую пегую ярославку. Но то была вовсе не ссора гоголевских Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, хотя словцо, пущенное лидером костромских животноводов, прозвучало обиднее «гусака». То был спор об очень важном. И не просто о престиже — о путях селекции! О направлении в животноводстве, о разных принципах в подходе к решению проблем российской деревни. Наконец, о праве человека, облеченного доверием, выбирать тот или иной путь. Умные люди, но и те подчас склонны навязывать свое крайнее мнение, свой опыт, другими не пережитый. А такое противопоставлено в сельском хозяйстве, где все стоит на земле, все реально.

В давнем том споре победил Абросимов, победило стадо «Горшихи». Это публично и своеобразно признала позже Прасковья Андреевна: «Ну, Абросимов, торжествуй. Твоя взяла! Хорошая у вас корова — ярославка, и компактная и молочная. Только не заносись. Наша костромская корова — барыня! А никакой тебе не слон. Нет, Абросимов, не слон она, а фабрика молока! За нашей костромской будущее».

Вот и ладно, вот и разошлись с честью мудрые вожак двух артелей. Каждый остался при своем.

А вот что встретилось по соседству с Карабихой.

— В самом деле, — рассуждал уже в ходе другой встречи на ярославской земле генеральный директор экспериментальной фирмы «Весна» Вячеслав Александрович Молчанов, — весьма непроизводительно недоверие к мнению специалиста. Шаблон противопоставлен сельскому хозяйству. С этим вроде бы все согласны? И что же? И сейчас шарханье, всякие реорганизации ломают налаженное дело. Знаете, я когда-то работал на заводе. Был шлифовщиком. Микрон ловил на палец! Никаких отступлений! Шаблон противопоставлен. А в сельском хозяйстве успех определяют совсем другие принципы. И это не противоречит тому, что как раз теперь промышленная основа производства и здесь, на селе, заявила свои права.

Молчанов мне понравился доверительным отношением к заезжему собеседнику. За ним — его опыт, знания, партийность. Истовое служение истине. А истина рождается в споре.

— Не в споре, а в поле! — играет словом оптимист Молчанов.

И правда, конструктор, которому укажут на ошибку линии, берет ластик и ту неверную линию стирает. Как не было! Ошибку в поле, на ферме не исправишь за годы. Поспешные указания только запутывают дело экономики на селе. Земля, основное средство производства, она ведь разная. Не бывает одинаковых полей, одинаковых хозяйств. Это важно знать, помнить при планировании, при внедрении новшеств. Говоря языком современным, сначала следует моделировать, наблюдать работу модели, а потом выносить решение. За это ратует и Молчанов.

— Иной раз полгода план составляем, — продолжал генеральный директор, — а следующие полгода корректируем его. Вот где теряем. Необходимо совершенствовать систему планирования и управления. Да не где-то в Москве, в Ярославле, а управление районом. Иначе абсурд: окрестили генеральным директором, доверили фонды на сотни миллионов рублей — теперь вежливо, а то и не очень вежливо понукают! Объясняют на пальцах, где сено, где солома... Внимания к Нечерноземью мы, руководители хозяйств, давно ждали, ох, как давно! Теперь разворот нужен. Да посмелее...

Молчанов убежден, что выход — в создании устойчивых экономических условий. В последовательном осуществлении мер по интенсификации. А это значит всемерное развитие специализации на базе крупномасштабной кооперации и агропромышленной интеграции. Выполнение плана — это вовсе не средство заткнуть пробелы в рапортах вышестоящим организациям. План как следствие экономического обоснования, вытекающее из реальных материальных и людских возможностей.

Фирма «Весна» уже добилась интересных результатов, конечно, с оговоркой — самых первых. Имея около шести тысяч гектаров пашни (это в Нечерноземье-то!) и полторы тысячи человек, фирма получает почти по тысяче рублей дохода с гектара в год, а на каждого работающего человека — более четырех тысяч двухсот рублей! Людей заменили моторы, машины. В хозяйстве довольно высокий уровень механизации, так, на условный трактор приходится шестьдесят три гектара. Энерговооруженность плюс хорошие качества исполнителей — вот решение половины проблем этой сельскохозяйственной зоны. Рентабельность в хозяйствах фирмы превысила пятьдесят шесть процентов. Фирма дает овощи независимо от погоды, над ними — стеклянное небо! И в специализированных совхозах производство молока и мяса переведено на промышленную основу. Но вот о чем речь генерального директора, вот что его беспокоит: чтобы выполнить напряженнейший план производства, например, тех же овощей в объеме шестидесяти тысяч тонн в год, фирме нужны как минимум две тысячи орошаемых гектаров. Но их пока сто десять, и мелиорато-

ры в то время еще не приступали к делу. Планирующие органы в курсе ситуации, но цифру плановую спустили, узаконили.

За первое полугодие той пятилетки фирма получила более шести с половиной миллионов рублей выручки. Стало быть, есть уже полтора плана! Неплохой задел.

— Индустриализация ведет к резкому уменьшению издержек производства. Одно из хозяйств фирмы, совхоз «Дубки», добился рентабельности в сто пятьдесят два процента! Так что делает район? Он тут же присовокупляет к фирме... еще два бывших колхоза. И тут же, само собою, на них дается план в объеме, характерном для фирмы. Принцип старый: кто везет, тот вывезет. Подобная «кооперация» хозяйств с различными направлениями и уровнями экономического развития носит формальный характер, потому что в двух бывших колхозах низжайшая производственная культура, песок вместо пашни, почти нет своих рабочих рук. Главное, они не могут выступать в роли партнеров, в роли пайщиков.

Помощь отстающему соседу — это благородно. Хотя дело и хлопотное и накладное. Но объединение хозяйств должно быть как минимум экономически и научно обосновано. В районе поступили иначе: вместо знака интеграла поставили плюс. Объединение восприняли как механическое сложение. Результат? Нанесен моральный ущерб авторитету фирмы, поскольку с мнением руководства не посчитались. И рабочие это знают. Усилия распыляются, налаженный механизм неизбежно дает перебои, достигнутая экономическая эффективность в следующей пятилетке может снизиться. Уже сейчас падает оплата труда, специалисты лишаются премий... Ну, и кому такое выгодно? А ведь Молчанов к этому времени уже добился такого эффекта, что на каждый рубль из фонда зарплаты фирма стала получать продукции на десять рублей пятнадцать копеек.

Важнейшей составной частью экономической стратегии, направленной на дальнейшую интенсификацию общественного производства, названа эффективность. А повышение эффективности имеет в виду более умелое использование экономических рычагов: прибыли, цены, премии. Жизнь предостерегала! При объединении должны строго соблюдаться принципы, проверенные в деревне, как-то: добровольность, материальная заинтересованность хозяйств. И не допускать при этом спешки, перепрыгивания через этапы... Иначе бед той же «сплошной» коллективизации не миновать.

«Нельзя на людей жалеть» — старая, важная тема. Живая жизнь заставляет к ней возвращаться вновь и вновь. И как радуется, что есть такие руководители в деревнях Верхневолжья, как Евгений Михайлович Максимов, Николай Ильич Абросимов, дважды Герой Социалистического Труда Пасковья Андреевна Малинина. И Герой Социалистического Труда Павел Павлович Смирнов — автор небывалого многоэтажного свиначника, и кандидат сельскохозяйственных наук

Николай Павлович Новожилов, автор торжокской степи. Что у них общего? Хватка людей деловых, умеющих считать. Людей демократического стиля руководства. А главное, реальный подход ко всему новому, соблюдение условий прочной экономики. Они программируют каждый шаг хозяйства в гору. Старое на слом! Все внимание новым экономическим отношениям. Иначе как бы выдержала «Горшиха», которая в иной год продает зерна в объеме 10 (десяти) годовых планов. А колхоз «Россия» продает по два годовых плана зерна. Так вынужденно поступает каждое крепкое хозяйство. А остальные? На ноги должны стать все хозяйства, все без исключения. Тогда и жить будут так, как живут в колхозах «Россия» и «Горшиха», как в совхозах «Дубки», имени 50-летия СССР, имени Ленина. Здесь давно есть и школы-интернаты и прекрасные столовые, идет строительство новых поселков, все тут радует глаз.

И люди труда всей душой отзываются на такую человеческую политику тех же Максимова, Абросимова или Молчанова. Оплату эти руководители связали не с процентом выполнения плана, как бывало, а с количеством и качеством произведенной продукции. Например, дано заготовить тонну сена, и в договоре обязательно оговаривается: с высоким содержанием каротина! За это премиально-аккордная оплата. Я слышал, как шоферы спрашивали: «Сколько кормовых единиц заготовлено? Сколько его там, витамина?» Не сколько «ездок» ему отметили, как бывало! А сколько полноценного корма будет у коровы на зиму! В «Горшихе» доярки спрашивают у шофера молоковоза: «Каким сортом сегодня молоко приняли? С какой жирностью? Сколько там бактерий лаборант обнаружил?» Вот она, заинтересованность! Вот он, интерес хозяина. То же пробудилось и у льноводов — доход определяет высокий номер волокна, отсюда и заметно старание, которое характерно для калининских льноводов. Они буквально нянчатся с голубоглазым растением-кормильцем. Я вспомнил: «Ловите час цветения!...»

...Юноши и девушки, ритмично вскрикивая, ходили широкими кругами по сцене колхозного клуба в «Горшихе». Темные руки взлетали, как ветви странных деревьев, и разом, с грохотом опускались на спины продолговатых барабанов. Ярких цветов одеяния колыхались в такт колебавшимся телам. Зал не дышал, пораженный столь необычным зрелищем. И разом взрывался хлопками, когда медленная, ритмичная пляска-прибой вдруг останавливалась. Шел концерт студентов Университета дружбы имени Патриса Лумумбы. А потом вышел на сцену седой человек в белой рубашке с раскритым воротом, и гости согласно закивали головами в такт таким знакомым словам: «Горе-горькое по свету шлялося и на нас невзначай набрело...» И вдруг лукаво и со значением: «Сидят папаша. Каждый хитр. Землю попошет, попишет стихи...» Грянул общий смех, хлопки. Гости знали русский язык, знали историю Страны Советов и знали от

советских учителей меру подвига этих крестьян, что так приветливо их принимали сегодня. А седой человек со сцены читал Маяковского еще и еще: «Лишь лежа в такую вот гололедь, зубами вместе проляскав — поймешь: нельзя на людей жалеть ни одеяло, ни ласку».

Потом пели. Пели вместе. Сильно запевают девчата в «Горшихе»! А лумумбовцы лгнули к седому человеку в белой рубашке. И председатель Николай Ильич Абросимов — то был он на сцене — рассказывал им о бывавших в этих местах Пушкине, Некрасове. И о том, почему колхоз носит название «Горшиха». Горе-горькое... Нельзя этого забывать. И Андрюшка прижимался к деду, помолодевшему среди таких веселых и белозубых, нездешнего обличья парней и девушек. Правнук старого Абросимова... Кем он станет? Забудет ли он нынешнее лето, голос деда, читающего стихи, забудет ли эту землю, с которой вместе еще не мерз? На которой если когда и лежал, то не в гололедь, а в горячий летний полдень, на траве-мураве, вдыхая запах земляники? Что надо сделать, чтобы человек не мог забыть, не мог оставить зеленую землю дедов, прадедов, такую теплую, единственную?

...Просыпался новый день, звал дальше. У причала речного вокзала в Ярославле ждала белая рыбина «Ракеты». Вот она приподнялась на негнущихся крыльях, скрытых под водою, и рванулась вперед, длинно вытянувшись над синим полотном Волги. Синими были и Волга, и небо над нею, и берега, затопленные цветущими льнами.

*Меня все терзают грани
Меж городом и селом.*

Н. РУБЦОВ.

Пожилая женщина в ярославском селе рассказала:

— Приснилось мне, будто прихожу это я домой из клуба, а на дворе стоит моя Рыжуха, корова, значит. Батюшки, дак ведь давно ее свела! Да что же мне — опять до света вставать? Дак я и доить-то разучилась, на ферме-то мехдойка! А корма где? И тут я проснулась — от глаз ее, глаза у ней сильно наплаканы. Страшный сон!..

И еще, где был, рассказывали, что парни по деревням не умеют лошадь запрячь, а бабы разучились. Мужики? Да мужики нынешние и вовсе не умеют, они, как говорится, с рождения на машинах.

В разговорах часто я задавал вопрос: что такое ОДН? Так случилось, что никто, у кого бы я ни спрашивал в долгой дороге по Верхневолжью, не расшифровал эти не столь уж таинственные буквы. Нет, это не инициалы. Признаюсь, в семейном архиве есть

свидетельства, что мама моя была активнейшим членом ОДН — общества «Долой неграмотность» в деревнях Подольского уезда, что на Пахре. Люди нынешней деревни забыли, что такое уроки при керосиновой мигалке, когда за окном лютая темень и разор. А ученикам — за сорок и часто под пятьдесят. Теперь все грамотные. Даже старики, которые в начальные-то классы обязательно ходили и состарились за послевоенные годы. Откуда же знать нынешним селянам, что означают три буквы, ОДН — символ революционного штурма вековой тьмы, неосознанности! А ведь для истории и три десятилетия и даже десять пятилеток как одна сплошная неделя работ до седьмого пота. Неделя только минула, а уже никто не помнит яростной схватки энтузиастов с мужицкой неграмотностью. Ну, а ТОЗ? Ответил один Николай Ильич Абросимов. С товарищеской обработки земли тут все и началось. Мужики говорили: «Северный хлеб родят борозда да изгородь». Борозду провел единственный в ТОЗе трактор, изгородь поставили сообща.

Вот и получается, что в деревнях теперь все грамотные, в избах электричество и радио, в каждой третьей избе телевизор смотрят. Многое из былой крестьянской жизни отошло в небытие. Поля же как были бедны гумусом, так бедны им и сейчас. Где супесь, где суглинок. Конечно, в каждой области и автономной республике Нечерноземья есть хозяйства, которые собирают на круг по двадцать пять, а то и по тридцать центнеров зерна с гектара. Как просил главный агроном ярославского колхоза «Горшиха» Николай Васильевич Аржанцев посмотреть его любимое поле пшеницы с колосом мощностью на сорок пять центнеров! Я ему: обмолот, мол, покажет. Нет, настоял на своем одержимый агроном, показал. Небывальщина!

Но сейчас разговор не об этих редких полях, получивших наконец-то почти полную норму навоза и минеральных удобрений. Речь о другом. Речь о том, что все хлебоборбы Нечерноземья должны поднять урожайность зерновых по крайней мере до двадцати центнеров с гектара, овощей — до двухсот шестидесяти, картофеля — до ста шестидесяти центнеров с гектара. Речь о том, как и кто одолеет разрыв между плановой урожайностью и теми великолепными тридцатью—сорока центнерами, которые намолачивают передовики. Как и кто?

...В селе Медягине Ярославского района председатель колхоза показал новенькие дома — целую улицу. Дом к дому. Ладные, окрашенные во все цвета радуги, большекоконные. И палисаднички перед окнами, тротуар заасфальтирован. Ах, какая улица!

— Подарок колхоза, — заметил председатель Николай Ильич. — Сами нарисовали, сами построили. Каждое утро на эту улицу приходит городской автобус. Его заполняют сонные юноши и девушки. Дети колхозников. И уезжают они на рабочую окраину Ярославля, есть там валяльная фабрика...

Почему? Что заставляет? Для председателя загадка. Старенькое вроде бы предприятие, ждущее реконструкции, шерсть в мойках, чесальные машины... Зарплата сминает? У колхозников она выше — даже средняя выше; а у механизаторов и животноводов выше вдвое. Нормированный рабочий день? Но в колхозе тоже не работают от зари до зари. И даже на фермах здесь два выходных в неделю...

Когда-то Никита Моргунок, рассудительный герой поэмы А. Твардовского, оставался последним мужиком, не охваченным коллективизацией. Теперь, мне кажется, в подобной или почти подобной ситуации, образно говоря, оказались целиком некоторые хозяйства. Особенно те, у которых слаба экономика. Как это понять? Прошло сорок лет, всего-то ничего, и властно постучалась в колхозные ворота индустриализация. Сколько обычно механизаторов в нечерноземном колхозе? Десять, ну, чуть больше. Столько же шоферов. Допустим, еще нужны грамотные парни. И все равно при достаточно высоком уровне механизации — а дело к этому идет — остальным достается подсобная работа по принципу, «куда пошлют». Но молодым такой труд по дедовской технологии неинтересен. А новая технология, которая была бы веку по плечу, его требованиям, его скоростям, приходит только с инженерным мышлением руководителей. С мелиорацией, химизацией, автоматизацией. Под силу это даже большому колхозу? Нет. Значит, надо хозяйствам кооперироваться. Надо иметь в виду, что в здешних деревнях пашенной земли не так уж и много. Редко, когда тысяча гектаров под зерном. Ну пусть две тысячи... Они урожат сорок тысяч центнеров зерна? Но ростовское транспортно-уборочное звено Н. В. Бочкарева в жатву 1976 года намолотило 67 тысяч центнеров. И для этого понадобились всего-то двенадцать человек. Я это к тому, что понять тех, кто вместо работы в поле, саду, на ферме, пусть даже с рекордным стадом, предпочитает валять шерсть, — понять можно лишь так: нельзя не считаться с настроениями молодежи, с ее умозрениями. А главное — с дискредитацией дедовского образа жизни и труда в деревне. Наступило время: не только моргункам объединяться, но маломощным, обезлюдевшим колхозам. Пришло время крупномасштабной кооперации — именно она стоит у околицы даже таких благополучных колхозов, как «Горшиха». Ибо речь на этот раз идет не о благополучии показательных, но об экономике, судьбе всего сельского хозяйства.

Все дело в том, что ни средние показатели достигнутых урожайности, надоев, привесов, ни темпы их роста, ни тем более количество продуктов на городских прилавках не удовлетворяют наших потребностей. Дальнейшее развитие сельских производительных сил объективно требует принципиально нового подхода к нуждам оставшихся селян. И создания новых полей, пригодных для механизации; объединения усилий хозяйств-пайщиков на базе межхозяйственной кооперации. Иначе как же использовать достиже-

ния научно-технического прогресса? Но для этого милой моему сердцу отцовской деревне предстоит распрощаться с «крестьянской жистью». Это неизбежно. Старое отжило, мы тому свидетели.

Уже есть примеры и внешней перестройки села, превращения его в многоэтажный поселок со всеми так называемыми городскими благами. Но оставим на этот раз в покое показательный агропоселок «Мирный» Калининской области или «Новые Подосинки» Дмитровского района. Примеры — даже убедительные — не решают проблем социального преобразования села. Известно, что вместо 136 тысяч сел и деревень в Нечерноземной зоне предполагается оставить не более 29 тысяч... В основном это будут, очевидно, центральные усадьбы агропромышленных предприятий?

Какими им быть? Вот вопрос, на котором жарко, страстно, подчас зло сошлись, схлестнулись мнения самых различных специалистов. Людей самых разных профессий, темпераментов и житейского опыта. Многие деревни, даже и при дорогах, уже сейчас объявлены «неперспективными». Там нельзя ни домов строить, ни мостов, ни магазинов, в общем, ничего капитального — даже ремонта делать ветхому нельзя. Кто остался в такой деревне, не вписавшейся в генплан района, тот живет-доживает. А ведь земля слухом полнится. Ясно, что настроение в таких деревнях чемоданное. Всем очевидно, что сселения не избежать. Но сселение — процесс мучительный для конкретного человека, для семьи. Это надолго и дорого, и как тут спешить?

Не раз в пути пришлось вспомнить Николая Рубцова, поэта вологодской деревни: «Ах, город село таранит! Ах, что-то пойдет на слом!..»

Мне кажется, что жить в селе «без граней» или в крупноблочном поселке, жителей которого проектанты «избавили» от приусадебного участка, жить без своего лука, без иной зелени к столу, без молока и творога вдоволь, без ежедневных свежих яиц, без выхода к яблоням и смородине, без аромата только что накошенной травы — так жить н е л ь з я. И мне по душе те решения, которые при генеральной перестройке селения учитывают не только желания молодых специалистов, готовых жить в квартире городского типа хоть на пятом — без воды — этаже, но и людей, не спешащих оторваться от земли приусадебного участка, мечтающих о доме из серии «коттедж», конечно, с городскими удобствами. Люди многосемейные предпочитают именно этот вариант. И думается, что отговорка «всем не угодишь» не имеет здесь оснований. Именно УГОДИТЬ надо всем. Иначе село останется без рук. Без современных знаний. Без специалистов новых профессий.

— Живем без коровы. Уже лет двенадцать так живем, и ничего, — делилась своим мнением медягинский бригадир Нина Александровна Смирнова. — Конечно, огород пока есть...

Дом у Нины Александровны — загляденье. Игрушка. Она молода и сильна. Муж — плотник, строитель. А корову не держат. И поросят не откармливают, и овец у них нет. Десяток кур. Молоко, масло, сметана, творог, те же яйца, ну, и заодно лук репчатый, чеснок, кабачки, капуста ранняя, помидоры в июле — все из города. Кому-то надо за всем этим каждодневным ехать. Нине Александровне чаще всего некогда. Мужу тем более: «А телевизор тогда на что?» Не одни Смирновы так живут. Во всем колхозе «Горшиха» несколько личных коров. А как же дети, старики, больные без традиционного парного молочка?

— Колхоз отпускает!

Так-то оно так. Но у колхоза — план. Плюс задание. Плюс обязательства... За каждый килограмм молока, проданный «на сторону», председателя ругают в районе.

— В прошлом году мы продали восемьдесят шесть тонн молока колхозникам. Давали и детскому саду и школе; так меня обвинили в разбазаривании! — горько признался Николай Ильич, председатель бескоровного колхоза. Он и сам иной раз отправляется за бутылкой молока в город. Для Андрюшки, внука.

Есть такое понятие — товарность. Район требует с колхоза высокого показателя этой пресловутой товарности. Сколько надоил, столько и продай. Идеально было бы добиться ста процентов товарности. Так не бывает. Но чем больше молока или, например, мяса, овощей колхоз оставляет для своих нужд или, не дай бог, для рынка, тем ниже процент товарности. И тогда председателя обвиняют: разбазаривание! Нет, я этого в толк никак не возьму.

Я понимаю Галину Судакову из «Горшихи». Она доярка высокого класса. От каждой коровы в группе надаивает за год по пять тысяч килограммов молока. Галине Судаковой не до личной коровы. Ей только двадцать шестой год. У нее и дочь есть, и сын, и все как у добрых людей: хоть маленькая, но семья! Живет семья Судаковых в многоэтажном доме, в двухкомнатной квартире. Живет, что называется, по-городскому. И, как говорится, дай бог счастья. Но доярки из «Горшихи» — явление отнюдь не типичное для Нечерноземья. Их нагрузку в колхозе не сравнить с нагрузкой в большинстве хозяйств Ярославского и других районов. Беспокоит другое: желание проектантов избавить «новую деревню» от личных коров и огородов уже сегодня. И не противоестественно ли увидеть в такой вот «по-городскому» живущей семье обеденный стол, на котором все привезенное, не свое?

Я веду к тому, что не рановато ли подхватывать настроения чисто «городские»? Избу, мол, на слом! Огород — куда? Корову прочь со двора? Дело еще и в том, что личные участки земли, личный скот дают основную продукцию, необходимую прежде всего для живущих вне города. Для самих селян, частично для их родственников, пере-

хавших в город; плюс к тому весомый процент в государственных заготовках молока, мяса, яиц, картофеля, овощей. Хорошо бы, придя с поля, фермы, из мастерской, принять ванну и уткнуться, как делаем мы, городские «беззаботники», в телевизор, хорошо бы! Но реальная жизнь такова, что пока городские магазины далеко от села. А дороги трудноодолимы; автобусное же сообщение, где оно есть, — рейс или два в день. Короче, проблемы очевидны, они волнуют, а решения их неоднозначны.

Размах, с которым страна приступила к перестройке села, миру незнаком. Каждая вполне возможная ошибка затрагивает интересы многих и многих людей. Председателю «Горшихи» Н. И. Абросимову в отделе капитального строительства облисполкома так и сказали: чего, мол, так уж хлопочете о завершении строительства школы-интерната? И вообще о строительстве? Мы центр скоро переместим из вашего Медягина в другое село, вам уже и проект рисуют!.. После такого «преобразования» не то что свою коровенку порешишь, но и ферму, лучшую в стране, упустишь. Кстати, о темпах. В Медягине, где есть и деньги и желание построить заново, школу возводят... шесть лет. Подсчитано, что новый поселок строят лет... двадцать. Так что стоит крепко подумать, кого следует объявлять «неперспективными», а кого погодить бы. Да и средств таких пока нет, чтобы устроить великое переселение десятков миллионов людей. Тут, по-моему, и отгадку искать, уважаемый Николай Ильич: дать молодым перспективу (модное словечко!) духовного и профессионального развития, дать им интересную жизнь, которая требовала бы от них самостоятельного решения многих производственных да и общественных проблем — и они, молодые, останутся в селе. Так?

— Не все останутся. Все просто не нужны на новом производстве. Всем нечего будет делать. И это естественно. Число рабочих рук продиктует современная технология. Останутся самые толковые, одаренные. Скорее всего выученики города, в чьем призвании причудливо сочетаются любовь к технике и терпимость к долгой оторванности от шума городского. Любовь к сельским ландшафтам и тишине. Понадобятся годы и годы для отбора людей...

Таково единодушное мнение — не только мое, но и директора опытно-производственного хозяйства имени Ленина Всесоюзного института льна, кандидата сельскохозяйственных наук Николая Павловича Новожилова, и директора совхоза имени 50-летия СССР объединения «Свинпром», что в Калининском районе, Героя Социалистического Труда Павла Павловича Смирнова. Встречи с этими пронизательными, еще сравнительно молодыми руководителями современной индустрии на селе оставили впечатление. После разговора с каждым из них все вроде бы стало на свои места. Я думал: вот какие они — общительные, высокообразованные, одержимые выстраданной идеей преобразования земли отчий! Им прежде всего

чужды шаблонные, волевые решения. Интеллигенты, они-то как раз и являются сегодня движущей силой в таком небывалом деле, как претворение в жизнь программы агропромышленной интеграции. Один из них отложил докторскую — и вот защищает свои научные выводы в поте лица на просторах торжокской рукотворной степи. Другой... О другом следует рассказать подробнее, сколь это возможно в пределах жанра путевого очерка.

...На окраине Калинина стоит среди асфальта и цветов некое чудо-юдо — пятиэтажная свинофабрика. Это реализованная в бетоне, металле и стекле давнишняя мечта Героя Социалистического Труда Павла Павловича Смирнова. И его друга, дерзкого проектировщика Николая Петровича Можайцева. Вот что рассказал Смирнов:

— Фабрика, конечно, необычная. Первое впечатление у проезжающих по Ленинградскому шоссе: «Интурист» новый мотель возвел... Но эмблема на повороте удивляет — веселые поросята! Фабрика рассчитана на откорм одновременно одиннадцати тысяч двухсот свиней. Наше хозяйство откормом давно занимается. В прошлом году мы неплохо сработали, получили более семи миллионов рублей чистой прибыли. Но мысль о том, что производство свинины требует революционных преобразований, много лет не давала покоя. Хотелось максимально приблизить откорм к промышленному производству. Строили фабрику более двух лет. Мы спешили и — не спешили. Отрабатывали идею, конструкцию. Наверное, можно было все сделать и быстрее, и дешевле, и не столь металлоемко...

Мы задумали и осуществили конвейер. Принцип: не корм подавать животным, а животных — к корму. Точнее, к распределителю кормов. Как? Гнать скопом? Старо. Подвозить! Да, да, подвозить животных в тележках. Но сами тележки-клетки подвесить на движущуюся систему. И пустить их по кругу. Карусель!

...Дважды в сутки каждая клетка подходит к кормопункту на заправку (как автомобиль!) и дважды в сутки к пункту сброса отходов. И все. Ритм задан физиологией жизни и нормами откорма. Слелит за ритмом продвижения «цирка» автомата, копируемые устройства. Все запрограммировано. Мы долго искали оптимальные решения. Скорость конвейера с пассажирами — в каждой клетке по четыре поросенка — пять метров в минуту. И я думаю, что даже самое движение, некая приятность от него, благотворно сказывается на привесах. А что! В свиноматке были? Там царят вечное беспокойство, визг, драчки. Есть типы нервные, есть хулиганствующие, да мало ли отклонений — это же стадо! Вы знаете, входит посторонний в свинарник, и тотчас поднимается тревога среди животных. Каждое такое посещение — минус пять процентов привеса. Как же в наш век не учить этих пяти процентов? Нет, у нас не стадо — экипажи! Пять моделей клеток испытали, сделали шестую. Потери корма с двадцати процентов снизили до полупроцента. Все учили: состав корма, добавки

(стимуляторы и витамины), режим дня, пол, возрасты. Например, взять воздухообмен. Нашли, что на производство центнера мяса надо при всех прочих компонентах сто сорок кубов свежего воздуха. И не меньше...

Итак, экспериментальная свинофабрика. Экономия земли — в десять раз, рост производительности труда — в четыре раза. Всего тридцать две минуты затрачивают на производство центнера свинины (на лучших фермах старого образца — до ста тридцати минут).

— В свое время осуществим замкнутый цикл, — поделился планами Павел Павлович. — Своя племферма. Выращивание и воспитание поросят для промышленного откорма. Откорм. А далее — цеха переработки: консервация, копчение, колбасные изделия.

Я слушал и любовался Смирновым. Передо мной был человек, который получает удовольствие от того, что работает.

* * *

Небывальщина гуляет по земле России, по земле Верхневолжья. Я видел поля под стеклянным небом; свиней, жирующих на карусели; я видел на прогулке прекрасное стадо коров-пятитысячниц и торжокскую степь, раздвинувшую леса. И Яхромскую пойму, рукотворную плантацию подмосковных мелиораторов. И сено, закатанное чудными машинами в рулоны... И все это на земле нечерноземной. Значит, будет она черноземной?

— Черной вряд ли, — отвечали мне. — Но такой же плодородной, как чернозем, обязательно.

Далеко пробивают свои русла сильные валдайские родники. Четыре года минули, как-то там у них сегодня?..

1976 г.

ЭТО ПРОИЗОШЛО В ТАЛСАХ

1.

ЛЮДИ, приезжающие в Талсы за опытом, с места в карьер спрашивают: «Можете ли вы оказать помощь, чтобы и нам поскорее внедрить новшество?» Такова жажда нового в сельском хозяйстве. И это хорошо. Плохо другое: все еще не изжито стремление заполучить «рецепт», нимало не заботясь о беспристрастном социально-экономическом анализе сложившейся в том или ином районе ситуации.

Но прежде чем рассказать, где находятся Талсы и чем знаменательна тамошняя осень, необходимо некоторое отступление. Люди

молодые возражают против того, чтобы их называли «начинающими». То ли слово кажется обидным, то ли проявляется желание самоутвердиться. А слово-то хорошее, не обидное; человек, относящийся к делу творчески, по сути своей *начинающий*, — он каждый раз, как только приступает к исполнению очередного замысла, начинает жизнь свою и самого себя как бы сызнова. Ищущие всегда начинающие. Суждения эти пришли в голову там, в Талсах, маленьком латвийском городке, где каждый день одарял знакомством с людьми, заметно не удовлетворенными достигнутым. По-моему, именно *чувство неудовлетворенности* объединило тут десятки молодых и опытных специалистов, руководителей самых разных в районе учреждений и предприятий в целенаправленном поиске новой формы управления производством. Под новой формой управления (в связи с поиском талсинцев) имеется в виду создание в этом латвийском городке РАПО — районного аграрно-промышленного объединения. Словом, здесь сообража стали выбираться из межведомственного лабиринта десятка соподчинений.

Первый секретарь Талсинского райкома партии Карл Рутенбергс сразу же предупредил возможные с моей стороны вопросы:

— Большинство приезжих интересуются прежде всего ростом показателей. Им вынь да положь скачок! Или рекорд... Но мы всего-навсего начинающие. Хорошо скоро не бывает, не так ли?

Так вот, в Талсах выявлены, разработаны и каждодневно отлаживаются новые производственные связи. Под знаком интеграла осуществляется четкое взаимодействие многочисленных составных сложнейшего процесса развития районной экономики. Что их подвигло на шаг как бы очередной реорганизации управления? Я думаю, гражданская зрелость. И тот политико-экономический потенциал, который накоплен за последние полтора десятка лет. И та самая неудовлетворенность темпами развития экономики, то бишь улучшения жизни в районе, о которой шла речь выше. Жизнь потребовала концентрации производства. Бурно развиваются внутрирайонная и внутрихозяйственная специализации. А система управления, связи соподчинения оставались старыми и, как убеждались талсинцы, негодными.

ОСЕНЬ в Латвии меньше всего вяжется с устойчивым представлением о поре «бабьего лета»: нет ни золотого бездождья, ни паутинок в полете, ни волнующей сини высокого неба. Каждый день, как слоеный яблочный пирог: над красными островерхими крышами быстро пролетают тучи, взрыхленные балтийским ветром, под ними пластается мокрая ботва, и вдруг над мрачными лесами прорываются почти горизонтальные лучи позднего солнца. И тогда вспыхивают тихие свечи осин и тополей, оживают ковры приусадебных цветников, отчаянно ярких в канун холодов. По асфальтам катят самосвалы с яблоками. На картофельных плантациях выбирают и ссыпают

в контейнеры картофель, а скот пасется в травах такой свежести, будто и не было лета. Воздух пахнет старыми водорослями, но сильнее запахи садов с обильным урожаем яблок. Что ни дерево — своя модель вселенной!..

Леса, леса и поля среди лесов. И озера среди лесов, рассеченных асфальтовыми дорогами. А за лесами лежит прекрасное курортное лукоморье!..

В Талсинском районе люди заняты обычным для сельской местности трудом. С некоторых пор все они захвачены идеей серьезного эксперимента. В подобных районах нет у жителей интереса превыше общего — получать устойчивые, достаточно высокие урожаи, надои, привесы, настриги и т. п. В таком районе, даже если ты скрипач, ты все равно душой болеешь за родичей, соседей, отдающих годы труда полю и ферме, или тракторной мастерской, или консервному, молочному заводу.

В головах талсинцев постепенно сложилось, что район не только и не просто территория (пятно на административной карте), а единый народнохозяйственный живой ОРГАНИЗМ. Это давно понимали и Карл Рутенбергс, первый секретарь райкома партии, и председатель Имант Брауэрс из колхоза имени Ленина, директор опытной станции Мартын Белицкис... Их много в Талсах, единомышленников. Они и задались вопросами: как бы так заново пересесть, чтобы получше сыгратся? Чтобы звучал наконец-то в полную силу отныне сводный оркестр районного хозяйства?

В Талсах, кажется, ответили на очень непростые вопросы. К перестройке вело живое стремление неуклонно следовать курсом ленинского плана кооперирования.

В НАШЕЙ стране испытаны и проходят проверку жизнью многие формы кооперирования. Посыл один — повышение качества экономики. Причем в максимально короткие сроки. Посыл один, а результаты различные. Поскольку различны районные схемы управления сельским хозяйством. Схемы эти чаще сдерживают развитие сельскохозяйственного производства на базе самых разных форм кооперирования.

Новое находит тот, кто ищет. Ищет неустанно и последовательно. Кто опирается на статью В. И. Ленина «О кооперации»: «...Кооперация получает у нас, благодаря особенности нашего государственного строя, совершенно исключительное значение».

И тут же, несколькими строками ниже: «...Кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом».

Когда талсинцы создали свое аграрно-промышленное объединение, в него вошли все хозрасчетные хозяйства и предприятия района. Начинание особенно символичное в свете той **грамотной** перестройки на местах, которую провидел Владимир Ильич: «Образцовая постановка дела, в указанном отношении, хотя бы для одной волости,

имеет более крупное общегосударственное значение, чем «образцовое» улучшение центрального аппарата того или иного наркомата... Помощь... для более радикального улучшения, для нового притока свежих сил, для успешной борьбы с бюрократизмом, для преодоления вредной косности должна идти с мест, с низов, с образцовой постановки небольшого «целого», но именно «целого», т. е. не одного хозяйства, не одной отрасли хозяйства, не одного предприятия, а *суммы* всех хозяйственных отношений, *суммы* всего хозяйственного оборота, хотя бы небольшой местности».

...Хочется цитировать и цитировать ленинскую работу дальше. Поразительно точны слова Ильича из далекого апреля 1921 года именно по отношению к тому, что произошло в Талсах.

Здесь осознанно (так и просится сказать — мужественно) отступили от традиции «поднимать» то или иное хозяйство, которому «естественно» шли лучшая техника, лучшие семена, удобрения — и часто вне очереди. Нет! В Талсах последние годы посвящены образцовой постановке не одного субъективно избранного хозяйства, не одной отрасли (выгодных свиноводства или льноводства), не одного предприятия, а именно *суммы* всех хозяйственных отношений в районе. Вот для чего создана модель РАПО. Таким образом, талсинцы (а за ними другие районы Латвийской ССР) поднялись на принципиально новую ступень в кооперировании. В нашем случае кооперирования куда более широкого, подлинно межхозяйственного, что обычно практикуется робко и узко...

Во главе эксперимента в Талсах стоят люди относительно молодые и трезвомыслящие, влюбленные в эксномику как таковую: член-корреспондент Академии наук Латвийской ССР Арнис Калныньш, первый секретарь Талсинского райкома партии Карл Рутенбергс и Вилнис Клейнбергс, председатель Талсинского РАПО. Вот они-то, каждый со своей точки зрения, и объяснили мне суть перестройки.

— Только не перестройки! Не совсем так, — мягко запротестовал ученый. — Наша модель управления сельскохозяйственным производством предполагает следующий этап кооперирования. Мы за интенсификацию руководства...

Интенсификация руководства!.. Память только одного моего поколения хранит вывески: МТС, райзо, заготконтора, райсельхозотдел, сельхозотдел райкома, наконец, районное производственно-территориальное управление и партком при нем; потом снова райсельхозуправление... Менялись не только вывески, но и связи соподчинения. Одно было неизменным: специалисты районного звена в лучшем случае оставались добросовестными советчиками. Уполномоченные! Агрономы и зоотехники из «района» приезжали и уезжали. Они наездами инспектировали, административировали каждый в меру своего таланта или своей добросовестности.

Вилнис Клейнбергс так сказал:

— Искусство ставить вопросы обрело массовый характер, достигло вершин совершенства! Но все большее число специалистов утрачивало способность р а б о т а т ь. Именно решать проблемы, наконец, судьбу конкретного хозяйства или отрасли.

— Самая большая, я бы сказал, непоправимая опасность, — Арнис Калныньш делает долгую паузу, — самая большая опасность — создать новый тип объединения, принять нашу схему управления, а работать... по-старому. То есть действовать по-прежнему рычагами администрирования.

— А нужно?

— А нужно привести в действие рычаги сугубо экономические. Рычаги хозрасчета, взаимовыгоды. Знаете, наша модель удивляет своей простотой, очевидностью!..

Я невольно задержался на этой парадоксальной мысли ученого, и он тут же уловил мое невольное недоумение:

— Да, Талсы предлагают модель чрезвычайно простую. Именно это разочаровывает любителей реорганизаций, ломок. Но законы экономики — объективная реальность. Остается познать их, использовать выгоду. Многие годы самые разные районные учреждения административным путем влияли на экономическую жизнь села, тесно связанную с данным небом, данной природой и состоянием здоровья почвы, с аномалиями погод, каждый год р а з н ы м и. Почва могла даже улучшаться, а погода могла, например, ухудшаться; но планы имели одну тенденцию — расти. А рост урожая, производства мяса, молока, яиц, шерсти зависит от сотен, тысяч факторов. И не только от природно-климатических. Тут решающую роль играют именно законы экономики. В силу вступают и социальные категории, моральная и материальная заинтересованность исполнителей, то есть тех самых людей, которые непосредственно заняты производством, стабильным повышением плодородия и ростом прибылей.

Я понял ученого так: главной задачей при создании новой модели управления оставалось давно знакомое условие — увязать личный интерес труженика поля или фермы с интересом государственным. А интерес хозяйства увязать с интересом района, республики. Что же для этого делали в Талсах?

СОЗДАНИЮ модели помог исследовательский энтузиазм Арниса Калныньша. Родом он из противоположного угла Латвии — из Валмиерского района, из села Наукшены, что на границе с Эстонией. А точнее, рядом со знаменитым ныне своими похожими новшествами эстонским городком Вильянди. «Похожими» не случайно, а потому, что идеи одержимого Арниса Калныньша не знают границ — ни районных, ни республиканских. Этого человека, я в том убедился, любят и в колхозах самых отдаленных, и в научных кругах Риги, и в университетском Тарту. И, конечно, у него на родине, где Арнис, будучи школьником, начинал карьеру счетоводом небогатого колхоза.

Долгими вечерами он просиживал над grossбухами, нарядами и старенькими счетами. Теперь он возглавляет отделение аграрных проблем в Институте экономики республиканской Академии наук.

Не сразу Арнис Калныньш пришел к мысли: район — одно хозяйство. Связка, схема элементарна: производство — конечный продукт — реализация. Для внедрения в жизнь столь упрощенной схемы разработаны три программы поэтапного развития: программа-минимум, оптимальная программа и программа-максимум, рассчитанная до 1990 года. Внедрять в жизнь все три здесь будут не только постепенно, но и строго последовательно. Забегать вперед никому не дано. Нельзя без анализа действительности, не имея на то научного обоснования, вырвать ту или иную отрасль (семеноводство, откорм скота или пчеловодство) и на ней специализировать первое подвернувшееся хозяйство. Кое-где в стране так поспешили сделать. И потеряли весьма весомую долю продукции, ликвидировали десятки мелких ферм и полей, а главное — дискредитировали саму идею внутрирайонной специализации.

Талсинский район еще до принятия новой модели чуть ли не первым в республике осторожно внедрял бухгалтерскую механизацию, потом — диспетчерскую службу, первым составил почвенную картограмму района, введя балльную систему; здесь для начала все строительные организации района объединили в одну, создав мощный хозрасчетный стройтрест. Кстати, трест построил в Талсах по индивидуальному проекту такую гостиницу и с такими удобствами, такими барами и холлами, что был удостоен республиканской премии. В общем, не спеша в Талсах подходили к главному — созданию районного аграрно-промышленного объединения. Отмеряли не семь, а семизды семь раз. И — не отрезали, а напротив! Даже ничего не ломали, а, наоборот, собрали все колхозы и совхозы, все в районе предприятия и учреждения, в том числе опытно-селекционную станцию, районное отделение Госкомсельхозтехники, а также единый блок агрохимслужбы, автотранспортное предприятие — всех, всех под одну крышу РАПО. Создан хозяйственный «оркестр», в котором каждое хозрасчетное предприятие ведет свою написанную для него учеными «партию».

«Оркестр» РАПО играет несколько лет (1978 и 1980 годы из эксперимента выпали из-за стихийного в тех местах бедствия — суровое первое испытание выдержано). «Оркестр» играет и явно сыгрывается. У дирижерского пульта — новые руководящие органы. Вышедший из них — Совет РАПО. В совет вошли самые уважаемые в районе руководители хозяйств, мастера своего дела, отнюдь не дилетанты в экономике. Совет избрал, в свою очередь, правление РАПО. Во главе его энтузиаст Вилнис Клейнбергс, единомышленник Арниса Калныньша.

Ошибается тот, кто подумал, что в Талсах просто переименовали

обычное сельхозуправление. Нет, дело в том, что управление РАПО — орган не административный, но экономический. Это мозговой центр и, главное, средоточие крупных материальных фондов. В общем, самостоятельная хозяйственная организация со своим банковским счетом.

Средства правления РАПО составляют солидные отчисления из касс всех членов-пайщиков, по сути, единого районного кооператива. Таким образом, правление распределяет, исходя из экономической целесообразности, исходя из одной из программ (минимальной, оптимальной или — с дальним прицелом на 1990 хозгод — максимальной). Фондов несколько: есть фонд укрепления и расширения экономики, есть фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, есть важный фонд материального поощрения за внедрение прогрессивных методов ведения хозяйства. Есть и резервный фонд...

— Так у вас теперь один большой колхоз? — догадываются недогадливые приезжие. И такой вывод — еще одна возможная ошибка.

Нет, Талсинское РАПО не колхоз.

Но именно по природе своей, по замыслу — это кооперативное объединение. Развивающееся по научно обоснованной социально-экономической программе. Главная особенность: хозяйственная и финансовая самостоятельность остается за колхозами и совхозами. За службами авто-, агро-, зоо-, вет-, химсервиса. И за предприятиями перерабатывающей промышленности. Все они равноправные члены-пайщики объединения. И повязаны теперь общими интересами района, единым устремлением к производству эффективному, прибыльному. Не просто и не только показатели заботят отныне пайщиков. Их стимулирует желание повысить уровень жизни, благосостояния всех живущих в районе.

Талсинцы считают, что надо как минимум (для начала) выравнять условия воспроизводства. Речь идет, разумеется, об учете именно экономических условий — они никогда не бывают равными для всех. Одно дело с помощью кадастра учесть природно-почвенные факторы, а совсем другое — ввести систему баллов экономической оценки деятельности разных, ни в чем не схожих хозяйств: колхоз, опытно-селекционная станция или откормплощадка...

Арнос Калныньш помог ввести в дело взаимных расчетов еще и такой инструмент оценки, как расчетные цены.

— Так ваше РАПО и денежные знаки свои заимело? — во мне заговорил нумизмат.

— Нет, нет, расчетные цены действуют только в рамках РАПО, это всего-навсего обязательные, строго выверенные коэффициенты! Для определения действительного уровня экономического развития.

И еще — для устранения различия между «выгодно» и «надо». Нужно ли пояснять, что заниматься производством семян трав хлопотно и все же куда выгоднее, чем выращивать тот же овес; или мед — приносит заметно больше прибыли, чем картофель. Тут многое зависит и от погодных условий, и от конъюнктуры цен, и от спроса на рынке. Опытно-селекционная станция выращивает и реализует элитные семена. А соседний колхоз едва сводит концы с концами, потому что его поля все еще мелкие, разбросаны, а колхозники еще гнездятся по хуторам, да и семян получше не всегда достанешь, купить их не на что... Расчетные цены, разработанные учеными и принятые Советом РАПО, покончили с такими понятиями, как «выгодно» и «невыгодно». Для района в целом выгодо, чтобы специалисты, а не дилетанты занимались селекцией и размножением суперэлиты и элиты, производством семян дефицитных ныне клеверов, тимофеевки и прочих трав, а также улучшением полей, выращиванием скакунов для союзных аукционов и кактусов на вывоз, откормом бычков и разведением пчел...

Так и ведут теперь свои дела талсинцы, поборники внутрирайонной специализации.

Примеры? Колхоз имени Ленина готовит семена зерновых для каждого в отдельности хозяйства: пшеницу, овес, ячмень... В колхозе давно умеют это делать, и он теперь готовит семена для соседей. Здесь на средства из фондов РАПО с согласия всех членов объединения построены семенные склады, пункт для протравливания семян, пункт доводки семенного материала до высших кондиций. Полная механизация, частичная автоматизация, даже электронное оборудование — вот что характеризует мощный семеноводческий центр РАПО в колхозе имени Ленина. Приходит пора сева, и тогда специалисты колхоза имени Ленина доставляют семена на каждое поле, к каждому агрегату персонально. Дорого? Так сначала казалось. Но подскочившие урожаи и явная экономия времени, выигрыш в сроках, поскольку все сделали «дяди» из колхоза имени Ленина, обернулись прямой выгодой. Теперь специалисты-семеноводы в колхозе имени Ленина, высвобожденные от посторонних забот, используют даже дорогостоящую лазерную установку для стимулирования всхожести! Так что новой весной на поля района семена пойдут повышенного качества...

Принцип взаимных расчетов прост. И стар как мир, — это купля-продажа. А если в каком-нибудь хозяйстве пока еще не на что купить, некому освоить, некому ухаживать за новейшей техникой, скотом или посевами, то поможет правление РАПО. А у него есть соответствующие фонды. И друзья-соперники, сочлены по районной кооперации теперь есть. Взаимопомощь теперь осуществляется в принципиально иных формах: разработка передовой технологии, материальная заинтересованность, денежные поощрения за прогрессивную мысль, мысль, приносящую прибыль и честь району. Так вскоре образо-

вался в новеньких складах РАПО запас дефицитнейших семян трав на полтора года — для всех! Так совхоз «Окте» рассчитался впервые за всех, за весь район семенами. А там сидит на этом деле один агроном! Сколько бывало руководителей: этаж на этаже... Теперь схема упростилась до смешного — один к одному, то есть главный специалист в правлении руководит семеноводом, например, в «Окте». Уж два-то человека скорее поймут друг друга, лучше сработаются, чем при любом другом варианте соподчиненности. Сколько говорили годами о пунктах подготовки семян зерновых, но кто мог их построить? Да еще каждый для себя? И вот теперь районные строители за шесть месяцев создали могучую индустрию семеноводства в одном хозяйстве, но для всех соседей.

Колхоз «Драудзиба». Здесь выращивают семенной картофель, а хранят его в специальных, очень емких, капитальных хранилищах. Колхоз сам рассчитывается с государством за район. Смех, бывало, такой пустяк, как зеленый горошек, выращивали семь хозяйств! И ни разу район так и не выполнил плана. Растение капризное, требует особого внимания и особого умения собрать... Теперь одно хозяйство «Дзимтене» перевыполняет районный план по зеленому горошку — за всех. Вот еще пример удачной специализации: пчелоград в совхозе «Валдгале» держит две тысячи семей. Рентабельность дела поднялась до ста восьмидесяти процентов. Меда — река; пчелы больше не болеют, и все клеверища района — для них. Зацвел клевер, и об этом сразу узнает диспетчер РАПО, он перебрасывает в лакомые места сотни ульев — на то готов спецтранспорт! В цехах пчелограда «Валдгале» готовят и пчелиный яд, и прополис, и вошину, мед фасуют и улы ладят для любителей...

Выгодно тем, кто дело умеет делать, выгодно и району. А главное, никому не обидно: расчетная цена выравнивает экономические возможности партнеров по РАПО.

А вот план по молоку все хозяйства имеют. И все они молоко дают, надои растут. Тут это любят — молочное дело, и скот держат только высокоудойный. Но все-таки совхоз «Вирби» в скором будущем от молочных обязанностей освободят: там намечено устроить индустриальный мясной откорм. Учли ошибку, например, со свиномкомплексом в колхозе «Дундага», где денег давать было некуда; вот там и пустили их на модный комплекс, а до мясокомбината — будто начальство раньше не знало — сорок пять километров. Да через леса. Да в объезд болот. А кормов здесь своих нет — свинья страшно прожорлива. И земель вокруг «Дундаги» нет для своего зернофуража, хотя в то же время на полях... овец держали. То есть все делалось наоборот. Как бы помимо экономической целесообразности, исходя из «выгод» — мнимых выгод — одного относительно денежного хозяйства. Совет РАПО поправил дело в колхозе «Дундага», поставил его экономику с головы на ноги. Так прочнее. И свиномкомплекс перебазировали...

В Талсах я почувствовал в людях особый хозяйственный запал. Они увлеклись ведением конкретных дел. Увлеклись экономикой, которая не на бумаге, а в поле, садах, на фермах. И на поточной линии в мастерских Госкомсельхозтехники и на опытной станции. А какие выгоды дает эта экономика, видно хотя бы на примере того же колхоза имени Ленина, который в развитие прямых торговых связей уже не первый год отправляет квашеную капусту и черносмородиновый джем постоянным адресатам в ФРГ и далекой Японии. Качество рассола и бочкотары отвечает, стало быть, требованиям мирового стандарта...

Модель РАПО, безусловно, перспективна — это признают все, кто побывал в Талсах. Однако ее воплощение в жизнь требует не только сочувствия новому, требует и очевидных перестроек, как говорится, н а в е р х у, за пределами районных границ. Конечно, для начала естественны моменты непонимания и сопротивления со стороны тех республиканских и союзных ведомств, чьи интересы затронуло новшество в районе. Случается, что существующие инструкции сковывают инициативную, коммерческую природу РАПО. Например, до сих пор некоторые равноправные члены объединения по-прежнему живут в условиях д в о й н о г о подчинения — это относится к отделению Госкомсельхозтехники, к опытной станции и к консервному заводу. Такая юридическая «недосказанность» способствует рецидивам межведомственных взаимных неуступок, что мешало развернуться бывшему директору МТС Владимиру Озолиньшу, уступившему место наконец более молодому товарищу, и мешает принципиальному Мартыну Белицкису, и давно фактически «сдавшемуся» на милость победившему РАПО Илгварсу Кудису, директору консервного завода. Все они патриоты района. Хотя до сих пор ходят в слухах у далеких контор и главков и зависят от них. И еще. Не решены до конца вопросы оплаты труда служащим и специалистам правления РАПО. К ним волево применили порядок оплаты и премирования, установленный для... трестов совхозов. Но РАПО принципиально негоже отожествлять ни с трестами, ни с главками, ни с дирекциями! Вот еще препоны. До сих пор в район спускают десятка полтора планов по молоку — каждому хозяйству — и план индивидуальному сектору отдельно. Но в районе одно хозяйство — РАПО.

Когда строительство требует от членов РАПО складчины, объединения средств, то колхозы охотно идут на это. А возможности совхозов строго лимитированы. Это лишает их инициативы в роли равноправных членов районного объединения.

Так что трудность есть, и это естественно для периода, когда нарождается и мужает новое. Главное для хозяйств — освободиться от централизованного управления сверху, от диктата лимитов и бюджета.

В Талсах живут и работают настоящие коллективисты, продолжающие черпать и черпать из глубин такого источника, как статья В. И. Ленина «О кооперации». А также из решений XXIV и XXV съездов КПСС, июльского (1978 г.) Пленума ЦК КПСС. Совет РАПО не только уяснил действительные возможности каждого хозяйства, но и помог каждому обрести второе дыхание. Люди верно оценили свои возможности и свои наклонности к производству той или иной продукции. По селам люди-то живут самые разные. Разные и по способностям и по возможностям. Теперь все они получили шанс проявить себя в интересах собственной реабилитации именно в качестве добрых мысленных хозяйственников, специалистов. Обнаружились мастера по каждому конкретному делу. Тут, кроме безотказно действующей материальной заинтересованности, сказались еще и такие чувства, как гордость, достоинство, рабочая честь. Так говорит председатель РАПО Вилнис Клейнбергс: «У нас все карты раскрыты. Программа развития района заранее обнародована. Все знают, что для ее разработки были привлечены серьезные научные силы».

И еще я слышал в Талсах: «Золотой жилы не нашли. Зато есть программа жизни».

Мысленно иду в 1990 год вместе с талсинцами. И радуюсь, что узнаю по дороге полюбившиеся места, где люди инициативные и храбрые дружно преодолевали антиэкономику. Где живут вот уже несколько лет одной семьей маленький тихий город, и новое село, и дальний хутор... Когда-нибудь я наверняка вспомню нынешнюю осень в Талсах и самое начало пути: Арнис Калныньш и Вилнис Клейнбергс были еще завидно молоды...

Но до 1990 года была еще одна встреча — осенью восемьдесят первого.

2.

ИТАК, Талсы через два года!.. Но по порядку.

...Любопытно все же: колхоз имени Ленина за собственные деньги при долевом участии соседнего совхоза где-то под самыми сосновыми борами Упесгивы реставрирует... усадьбу некоего барона. Конечно, едем туда. За лесами, за долами хранит бывшее величие прекрасный парк, на берегу истекшего озера — белоколонное здание с широкой, местами выщербленной лестницей. Дворец крыт новенькой кровлей, окружен свежепилеными лесами для штукатурных работ. Внутри пропахшая сыростью, плесенью анфилада комнат с семью каминами. Работают реставраторы — всяма живописные парни из Риги. Председатель колхоза Имант Брауэрс дотошно выпрашивает что-то у художников по-латышски, потом выписывает им мяса...

На обратном пути говорим о том, что стыдно вот так запускать добро, разбросанное по глухим лесам, ставшее народным еще четыре десятка лет назад. Подобные «соцкультобъекты» — история. Но это и прекрасные помещения, где могут разместиться одновременно и районная филармония, и клуб охотников, и пионерский зеленый патруль. Постепенно разговор перешел на кооперирование. На возможность создавать общие колхозно-совхозные «копилки» — разные фонды, но только в случае, если хозяйства района, охваченные с 1976 года единомыслием, станут любую проблему развития жизни решать сообща. В самом деле модель, предложенная латышами, проверяется в Талсах сразу по нескольким параметрам. Причем по ходу жизни! Особенностей модели несколько. РАПО — это единый надведомственный орган. Рухнули глухие перегородки, делившие район, дробившие его, ослаблявшие этим дроблением. Далее. РАПО пытается само решать, где и что строить, сколько и чего сеять, что покупать, как и где использовать средства, полученные от государства. Налицо высвобождение из пут, от слепых родительских забот чрезмерной централизации с ее лимитированием и нормированием, согласно «указаниям сверху»... И еще. В Талсах из хозяйств не изымаются честно заработанные средства. Колхозники действительно сами решают, как поступить, как эффективнее потратить часть ими заработанного. Совхозы в этом смысле — на ступеньке ниже, менее самостоятельны: Не только ведомства, но и аппарат РАПО не вмешиваются в работу специалистов на местах.

Я всю обратную дорогу добивался от Иманта Брауэрса и бывшего тут же в «Ниве» главного экономиста РАПО Викторса Биркманиса: «А что потом?» Потом? Начались трудности по отработке модели... Известно по материалам XXVI съезда КПСС, что самое время подумать о программе, призванной соединить воедино вопросы развития сельского хозяйства и обслуживающих его отраслей промышленности, заготовок, хранения, транспортировки и переработки сельскохозяйственной продукции, вопросы развития пищевой индустрии и торговли... Известно также, что этот аграрно-промышленный комплекс должен отныне и планироваться, и финансировать, и управлять как единое целое, обеспечивая высокие конечные результаты. Таковы благие намерения.

Викторс Биркманис сказал: «Знаю одно, топтаться на месте нельзя. А топчемся. Потому что жизнь района до сих пор во многом зависит от республиканских и даже от союзных ведомств, которые и с новшеством, и особенно с экономической самостоятельностью колхозов и совхозов, с нашим РАПО в целом, с его «беспривязным» содержанием примириться просто не в состоянии. Так, так...»

Еще в Риге я узнал из местного журнала, что пятилетний опыт создания и жизни РАПО показал: главные вопросы можно решить только после организационно-хозяйственного оформления аграрно-

промышленного комплекса на уровне республики. Более того, в Институте экономики Академии наук Латвийской ССР разработаны принципы организации республиканского аграрно-промышленного объединения — РеАПО. Это, по-видимому, будет единое хозяйство республики? Конечно, обязательно с отработанными производственно-технологическими связями между селом и городом, между полем и заводами, полем и прилавком, а значит, и столом потребителя?..

Реставрация колхозом заброшенного замка (и одновременно костела XVII века в Игене на паях с государственным предприятием да еще не без социально-культурного фонда РАПО) о многом говорит. И все-таки, каковы уроки Талсинского РАПО?..

ЗЕМЛЯ КУРЗЕМЕ, приморская низинная часть Латвии. Зеленая — до самого снега — земля моренных холмов. Боры, дубравы. И нет числа озерам. Стояла та пора года, когда ветры с Балтики и зачастившие дожди постепенно охладили пыл уборочной страды. Когда уже сняты были, как звезды с неба, яблоки. Пчелы, предчувствуя заморозки, гудящей тучей возвращались домой. Вересковый мед — последний!..

Старый Висвальдес Аузукалнс из «Валдгале» («Мэр пчелогорода» — так он отрекомендовался) резал соты и, мешая русские и латышские слова, излагал уроки пчелиного бытия:

— Поверьте, это очень старая школа жизни. Жизнь в труде — раз; подчинение всех интересам семьи — два; целесообразность поведения каждого и всех вместе — три. Так, так!.. И цель — конечный продукт! — старик явно только что придумал последнее. Бодрый, хотя ему далеко за семьдесят, Висвальдес Аузукалнс смеется. Он надеется, что образ жизни пчел я механически, по ходу нашей беседы, приспособлю к миру человеческих отношений. Но жизнь пчел только повод для неизменного восхищения именно пчелами и восхищения слаженностью их коллективных действий — так было всегда со всеми, кто когда-либо заглядывал на летнюю пасеку. И все же слова лукавого Висвальдеса легли на душу именно в том порядке, как он их произнес. Они запали в сознание с тем же смыслом, который старый пчелиный «профессор» им придал, намеренно шутя: трудовая семья, ее жизнь в желанном труде от весны до осени, сочетание интересов каждого с интересом сообщества, потрясающая людское воображение целесообразность «коллективного» поведения. То есть идеальная работа живого механизма, запрограммированного на конечный результат... Можно над подобными намеками заведующего пчелофермой и посмеяться. Он, наверное, и вправду за многие десятилетия жизни привык смотреть на окружающую действительность с точки зрения образцов гениального моделирования в природе. Однако у нас-то был разговор всего-навсего о жизни микросемьи человечества, ищущего модель общежития, — о жизни всего лишь одного административного района. Одного...

Нынешняя социально-экономическая жизнь сельского района таит немало проблем. Мои собеседники: все тот же экономист с университетским образованием Викторс Биркманис, директор совхоза «Валдгале» Имант Фрейлибс и мудрый Висвальдес Аузукалис. Жизнь малых городов среди полей, десятков строящихся поселков, сотен обветшавших хуторов, короче, всех очень разных по достатку и назначению хозяйств, — всего их пятнадцать, — со всем их населением, казалось бы, ни в какие берега не заключить: разлив! Но берега есть. Это границы административного района. Они, правда, отсутствуют на прекрасной пересеченной местности Курземе и все же существуют. Незримо... Они данность почти неизменная. В этих границах и отрабатывается механизм талсинской модели, то есть содержание экономической и социально-культурной жизни района. Два года назад само слово РАПО звучало непривычно, теперь эта аббревиатура у всех на слуху. Она даже более благозвучна, чем МТС или тот же «Коопсах», известный по стихам Маяковского. Вывеска прижилась. А сама идея жить единой районной семьей?

...ЗДРАВСТВУЙТЕ, Талсы! Похожая осень, те же люди в руководстве района и РАПО: первый секретарь Талсинского райкома партии Карл Рутенбергс и председатель правления районного объединения Вилнис Клейнбергс. Те же сто двадцать пять тысяч гектаров земли, из которых лишь сорок шесть тысяч занимает пашня. Средняя оценка земли почти сохранилась — чуть выше тридцати четырех баллов, то бишь почвы дерновые слабо- и среднеподзолистые, много торфяников; есть поймы (с песком как «наполнителем»). Одна из причин создания РАПО — боль за землю. Попытка быстрее повысить мощь и отдачу земли, повысить плодородие полей, лугов и пастбищ, дабы не уходили немалые средства буквально в песок. Но заметное повышение плодородия — лишь одна из многих болевых проблем района. Не менее важно пропорционально развивать многоотраслевое хозяйство района в целом. Ибо сегодня повсюду особенно ощутима разница между достатком одних хозяйств — привычно передовых — и хронической немощью всех соседних, умудрившихся за последние лет десять закредитоваться так, как только шальный телок исхитряется запутаться в долгой привязи. Конечно, «бег на месте общепримиряющий»: одним вроде бы самой природой, стечением обстоятельств дозволено подняться на социально-экономические вершины, а другим — бедовать и бедовать на заколдованном месте, на котором, как известно, не вытанцовывается.

В Талсах пятнадцать хозяйств для того и объединились, вышлагнув из-за ведомственных перегородок, чтобы не было неудачников, примирившихся с собственным отставанием. Чтобы так или иначе все население заняло интересами района. Чтобы каждый колхоз и каждый совхоз занялся делом по душе. Такое дело, как правило, еще и прибыльно. Короче, одновременно взялись за гуж и те,

кто решает чисто экономические задачи, и те, кто решает задачи бытия, социально-культурные. Так что цель РАПО — улучшение качества жизни!

И еще важно напомнить: в отличие от других талсинская модель предполагает, что в с е, входящие в районное объединение предприятия и организации сохраняют свою хозяйственную самостоятельность, юридические права. Талсинское объединение — надведомственное и по природе своей кооперативное — упразднило старые формы организации не для того, чтобы передовики поглотили менее расторопных, чтобы затея кончилась перераспределением нажитого, чтобы к старым привязям типа «Сельхозтехники» или агрохимической службы добавить новые. В Талсах каждому члену — пайщику районного многоотраслевого кооператива оставлена хозяйственная свобода. И свобода коммерческого маневра, долевого участия в строительстве. То есть предоставлен свой шанс выбиться в люди. Пожелания и нужды каждого хозяйства, а также реальные возможности взвешиваются на Совете объединения. Люди не пчелы. Люди вдохновляет только осознанный труд.

Разговор с Карлом Рутенбергом начался примерно с того же, с чего и два года назад: об опасности провозглашения панацеи от всех бед. А бед этих в сельских районах — и не только в Латвийской республике — накопилось немало. Звеньев в цепи очевидных проблем, за которые уже долгоножко тянут-потянут, несколько: строительство новых и новых скотомест, повышенные дозы минеральных удобрений — до перекорма растений; безотвальная пахота, выращивание хлебных кустов, даже возвращение колхозной техники под районную крышу, а колхозных механизаторов — в штаты новообразованных учреждений... Вот и в Талсы по-прежнему устремляется множество желающих перенять свеженькую модель районного объединения. Ищущие панацею прежде всего «секут» два факта: ликвидацию сельскохозяйственного управления при райисполкоме и высвобождение от гнетущей подчиненности хозяйств районным властям, разным ведомствам. Высвобождение же от «инстанций» и здесь до некоторой степени кажущееся. Беда в другом, в том, что приезжие все остальные детали в модели РАПО как-то упускают из виду. Как это было и два года назад, Карл Рутенберг повторяет: «Все еще не изжито стремление заполучить рецепт. Наша модель многое обещает, но это не рецепт... Тут не очередная реорганизация. Это новый этап развития ленинского плана кооперации».

Так сложилось, что в любом сельском районе уже много лет сосуществуют не только две формы социалистической собственности, но и разные государственные предприятия с разными организационными структурами, разными задачами и связями. В Талсах делается попытка, по-новому все эти межхозяйственные связи укрепить. Укрепить настолько, чтобы они способны были функциони-

ровать надведомственно! А пока каждое предприятие зависит от далеко расположенных в городах неимоверно разбухших и достаточно косных руководящих аппаратов, которые, в свою очередь, не в силах (да часто и не уполномочены) решать практические, сугубо экономические, повседневные задачи «внизу» — на местах. Сверху спускают планы, лимиты, указания, где, сколько, чего сеять, строить и ломать; сверху финансируют, не ведая подлинных нужд, сверху спускают штатные расписания и фонд зарплаты, даже нормы премирования и оплаты труда. Люди в районе, напротив, живут практически одной семьей, особенно старожилы района. Живут-то живут, но они очень редко садятся за один стол для обсуждения насущных проблем жизни и потому редко действуют супрягой, то бишь сообща. Зачем? У каждого далеко в городе имеется свой «шеф», оттуда следит его недреманное око. Талсинская модель уже сейчас ослабила зависимость производителей земных благ от дотаций, капризов и диктата бюджета. Главное — от утечки прибылей... Общее живое дело оживило жизнь населения в сельском районе. Шанс выиграть и ясная перспектива развития — это ли не лучшая экономическая стимуляция!

И ЧТО ЖЕ? Как сработала модель за минувшие годы? Надо иметь в виду, что не все из них были для земледелия, в частности для зернового хозяйства и для кормопроизводства, благоприятны. Годы семьдесят восьмой и восьмидесятый персонально вычеркнуты из всех форм отчетности. Тем не менее на сто гектаров угодий в Талсинском РАПО за год производят более шестисот центнеров молока. Это на сто центнеров больше, чем в среднем по республике. Мяса здесь за год производят почти сто пятьдесят центнеров на ту же стогектарку, что также больше, чем в среднем по Латвии. А вот уровень использования основных производственных ресурсов в РАПО сейчас выше почти на пятнадцать процентов, чем в среднем по хозяйствам республики. И еще интересный финансовый показатель: валовой доход по республике в целом за 1979 год был почти на три процента ниже, чем в 1976 году, а в Талсинском РАПО, напротив, — выше на семь с лишним процентов. Главное же, удельный вес района в государственных закупках увеличился! Привозных кормов почти не было, и все равно молока стали продавать больше, и мяса продают больше.

Все эти проценты, на сторонний взгляд незначительные, свидетельствуют о том, что эффективность ведения хозяйства РАПО выше, чем в среднем по республике. Благотворно для оживления экономики сказалась именно внутрирайонная специализация. Новизна принципов управления хозяйством района, крепнущие кооперационные связи принесли весомые плоды.

— Приведены в действие рычаги сугубо экономические, — пояснил источник обретенного движения секретарь райкома. — Взаимовыручка — большое дело! Никто не боится проиграть, участвуя в делах,

точнее в реконструкции единого теперь районного хозяйства. Из года в год то снег накроет яровые, то картофель хоть землечерпалками добывай, то отправляемся за соломой на Украину, а она там втридорога... Благоприятных погод не ждем — действуем! Как? РАПО постепенно формирует экономический облик района. Углубляет специализацию хозяйств.

Анализ давно показал, что там, где любят и умеют заниматься семеноводством, хозяйство в любой год с семенами. Кто любит и умеет заниматься цветами, тот в любой год с прибылью. Кто любит пчеловодство, тот даже в дождливое, холодное лето получит прибыль. Меда будет мало, зато сохранит пчел, получит пыльцу и другие дорогостоящие продукты, переработает их на месте.

Например, пчелогород «Валдгале» собрал нынче пять тысяч килограммов пыльцы и каждый реализован за две тысячи рублей — каждый килограмм.

Карл Рутенберг остерег: не путать жизнь со схемой. В схему РАПО жизнь вносит поправки, хотя и не принципиальные. Не людей райком приспособливает к схеме, а наоборот. И тут же анализ, анализ повседневного!

Мысль проста и мне симпатична: дать свободно развиваться в каждом хозяйстве только те отрасли, которые традиционны и не нами выбраны; может быть, прадедами. Главное, что произошло в Талсах, — концентрация в каждом хозяйстве производства той конечной продукции, которую люди задолго до РАПО научились приумножать. Это могут быть элитные семена пшениц либо картофеля, или тюльпаны, или зеленый горошек, а может быть молоко, говядина, а может быть свинина да еще копченая. Спускаемые же планы обычно ни реальных возможностей, ни демографии, ни тем более чьей-то любви к пшенице, клеверу, тюльпанам, кобылам, свиноматкам не учитывают. Планы «верстают» по принципу — от достигнутого уровня. В этом-то застарелый порок, вскрытый на октябрьском (1980 г.) Пленуме ЦК КПСС. Прежде в районе единоборство с такими планами каждый вел в одиночку (под возгласы болельщиков из разных ведомств: «Давай-давай!»). Как правило, хозяйства проигрывали. А теперь?

Жизнь вообще неоднозначна, такой она и осталась. У каждого хозяйства своя. Но теперь — и я в том убедился — тут спасение утопающих перестало быть делом самих утопающих. Себя за волосы, даже экономические, не вытаскишь — эта «технология» противоестественна. Уж на что нынешний год тяжел, а все-таки талсинцы переживают его без уныния, деятельно. И уже не они едут на поклон за соломой для кормления коров, а к ним приехали. Вместе с соломой заготовители получают представление о модели РАПО.

За два года в Латвии подобные объединения созданы в пяти районах. Более того, отделение аграрных проблем Института экономики Академии наук Латвийской ССР проанализировало экономическое состояние еще 12 (двенадцати!) районов республики. Точный диагноз ученых показал рекомендовать всем двенадцати ту же модель РАПО — Талсинскую. Жизнь подтвердила догадку, что смелое развитие хозрасчета, кооперирование по Ленину — единственный путь выравнивания экономики всех хозяйств в сельском районе. Нет двух одинаковых полей, двух одинаковых буренок, наконец, двух одинаковых человеческих натур — трактористов ли, или доярок, или двух агрономов... Но зато есть отработанные технологии! Есть сорта, оправдавшие замысел селекционера. Есть проверенные рычаги экономики — и они, как правило, не подводят. Понятно, не все хозяйства еще рентабельны. Но есть у каждого свой путь к достатку: быстрее овладение новыми технологиями! То есть работать на земле (и даже в аппарате, в правлении РАПО) не по «щучьему велению», не по чьему-то хотению, а по законам социалистической кооперации, которая, по Ленину, получает у нас благодаря особенностям нашего государственного строя совершенно исключительное значение. Совершенно исключительное. Грубо говоря, служит не бесчисленным «формам отчетности», но районному «колхозу» с его хозрасчетом. Казалось бы, так просто и благородно...

Заместитель председателя РАПО, главный экономист района Викторс Биркманис спустил меня на грешную землю и так сказал:

— Наше РАПО призвано помочь хозяйствам ответить на четыре человеческих запроса. Первый — размер и стабильность заработка. Второй — жилье. Обязательно с городскими условиями. Затем — детский сад как обязательное условие на первые десять лет жизни новичков в хозяйстве. И, наконец, наличие десятилетки как обязательного условия для остальных лет жизни в данном хозяйстве.

Так спрашивают — з а п р а ш и в а ю т — люди, приезжающие в село, желающие остаться в селе. Если хозяйство может ответить на все четыре вопроса,— люди остаются, работают с удовольствием.

Однако большинство хозяйств не могут ответить положительно на четыре главных запроса людей, тех, кто повернулся к деревне лицом. Ответить на четыре запроса всех, посвятивших себя, свои жизни так называемому крестьянскому труду, надо, надо, надо. Вот почему Карл Рутенбергс и Вилнис Клейнбергс повторяют: постепенность. Плодородие, урожайность, надои, привесы? Да, трижды да! Они должны расти. Но не только они, и не все сразу, сегодня. «Антиэкономика» экстенсивного хозяйства чревата провалом кричащих планов. Не случайно программа развития района разработана учеными и акти-

вом Талсинского РАПО до 1990 года. Времени в общем-то в обрез, прежние характерные авантюры с показателями и бодрыми рапортами талсинцам ни к чему. А чтобы осуществить намеченное по пунктно, им необходимо сделать все намеченное так добротно, чтобы однажды утвердительно ответить всего-навсего на ч е т ы р е запроса трудящегося человека. Любого главы работающей семьи! Симптоматично, что из четырех вопросов, сформулированных Викторсом, только один чисто экономический: реальный заработок. А три вопроса скорее социального плана; из них два явно выдают тревогу нынешних взрослых селян за судьбу детей, за судьбу, обобщенно говоря, следующего поколения...

Так вот, когда приезжие в Талсы жаждут услышать о впечатляющей прибавке урожаев и надоев, то ими движет совершенно очевидное ожидание «чуда». Чуда от перестановки мест слагаемых. Чудес не бывает. В Талсах приведена в действие долговременная программа повышения качества жизни. Ради ее осуществления построены за два года десятки коттеджей, даже многоквартирные дома; и теплицы, фермы, склады для семян, для сена и сенажа, корпуса для откорма. И лишь в единичных случаях детские сады, школы и лишь один Дворец культуры. Дело в том, что государственные капиталовложения до сих пор имеют целевое назначение (хотя и направляют их вроде бы в РАПО). Так вот все объекты так называемого «соцкульт», а также жилье хозяйства возводят собственными силами, за свой счет. «Возводят» — громко сказано, это не всем по карману. Строят больше колхозы, а не совхозы, не госпредприятия. Вот другой пример: Стендская селекционно-опытная станция «озолотила» элитными семенами лучших своих сортов многие поля района, но в самом поселке нет... школы. У станции нет средств, чтобы ее начать строить. Бюджет скуп по-прежнему. Значит, и РАПО бессильно против старых недугов?

ОТ ЛАЙОЗЕС-ОЗЕРА до сосновых боров, что возле самого моря, тянутся земли колхоза имени Ленина. Дело тут поставлено хорошо, давно уже хорошо. Оттого-то и едут сюда многочисленные экскурсии: за мощью этого колхоза видится гостям будущее всего района. Видится время, когда РАПО проявит свой потенциал. Прекрасный центральный поселок. Удобная и насыщенная радиоаппаратурой диспетчерская; образцовый хоздвор и мастерские. Городского типа автозаправочная станция с подземными бензохранилищами. Добротный, с колоссальной кубатурой собственный зерновой элеватор и рядом хранилища для картофеля, капусты и прочих, частью переработанных овощей, яблок... Имант Брауэрс, председатель колхоза, гостеприимный хозяин. Но не в смысле обязательного застолья, а в смысле постоянной готовности рассказывать приезжим, как колхоз ведет свое дело. Каковы взаимоотношения с партнерами по РАПО? Я был свидетелем, как Брауэрс, узнав по рации, что группа преподавателей техникумов закончила осмотр семеноводческого

хозяйства и впечатляющего пункта подготовки семян, устремился на своей «Ниве» к автобусам с гостями. И был рад, что успел поблагодарить всех за посещение, внимание к колхозу. Он обходил приятно удивленных его стремительным появлением пожилых и молодых людей, немногословно прощался с каждым. И каждого одаривал крупным спелым яблоком. Было трогательно и весело. Люди всматривались в председателя, снова и снова оглядывались на величественные промышленные сооружения на окраине поселка Вандзене.

Яблоки розданы, автобусы мягко укатили. Мы остались с Имантом на дороге. Он молчал, на лице подобие смущения. Деловой человек, и вдруг такое лирическое отступление! Вот такой он неожиданный, Имант Брауэрс — отличный агроном, остроумный собеседник и плотный коммерсант. В общем-то еще и романтик; это он поднял колхозных комсомольцев и немалые юные творческие силы Риги на реставрацию замка барона и костела семнадцатого века (там теперь нередки вернисажи и концерты)...

Мнение о РАПО такого хозяина, как коммуниста Иманта Брауэрса, мне особенно дорого. Тем более что он избран коллегами на весьма важный пост заместителя Вилниса Клейнбергса, председателя правления РАПО. Конечно, я сразу заметил, что Имант не очень-то охотно отвечал на вопросы. «Так, так, конечно...» Потом прямо сказал:

— Нужно посмотреть... РАПО рождено жизнью: таким хозяйствам, как «Дундага» или «Тиньгире», самостоятельно из отстающих не подняться... Действительно, кооперация с селекционной станцией, с разными промышленными предприятиями, и вот с нами тоже, такая кооперация для бедных выход... Выводы делать рано; в нашем деле нужно не менее семи — десяти лет, чтобы осуществить все необходимое для набора экономической высоты. И сейчас было бы странно делать выводы... Еще многое в нашей модели не срабатывает так, как мы думали в семьдесят шестом или даже в семьдесят девятом году...

Председатель сказал еще:

— Выравнивание экономики — цель благородная. Но я, весь колхоз наш — мы должны теперь так работать, чтобы нас не уравнили вниз. Шутка, поверьте...

Конечно, шутка. Но она дает понять, где болевые точки в молодом организме РАПО. Перераспределение внутрирайонных ресурсов — ох, как не любят этого колхозы, которые набрали высокий темп развития. Им ведь обещали: перераспределения не будет!.. Выход? Один: побыстрее, эффективнее помочь слабым членам-пайщикам районной кооперации.

И еще одну «шутку» пришлось услышать в совхозе «Вирби»:

— Наша специализация? Записывайте, мы специализируемся на откорме мясного скота — раз, на производстве молока — два, зеленого горошка — три, картофеля — четыре... И сады есть! Много, много яблонь — не рубить же их! Самая пора плодоношения.

И эту шутку надо понимать так: мол, РАПО действует, но старые привязанности передовых хозяйств крепки. И привязанности эти многосторонни. Хуже то, что колхозу имени Ленина навязали новую свиноферму, хотя специализация у него — семеноводство плюс молоко. Но району по старинке добавили «план по мясу». Добавили, не считаясь с экспериментом. И пришлось правлению РАПО, точнее волевою хозяйину района — райкому партии размещать «допмясо» в Вандзене. Мол, Имант Брауэрс не подведет!..

И Рутенбергс и Брауэрс — каждый по своему — правы: подводить итоги рано. Пять лет — слишком невелик срок для становления интересно задуманного аграрно-промышленного объединения. Тем более талсинцы еще ждут скорейшего разрешения насущных проблем. Ждут решений, от них не зависящих. Здорово тормозит дело медленное строительство жилья и производственных объектов. Совхоз «Вирби» в состоянии довести откорм до семи тысяч бычков, да ведь нужны новые площадки и фермы, а в совхозе вот уже десять лет ничего не строят. Лимиты!.. Да, совхоз не колхоз; и совхоз «Вирби» только завидует строительному буму в «Драудзибе», независимости колхоза от лимитирования и нормирования. Против них, как оказалось, пасует даже РАПО, для которого вроде бы нет двух форм собственности, для которого все хозяйства одинаково дороги, как дети в большой семье.

Мне близко и то, что председатель правления РАПО Вилнис Клейнбергс, рассказывая о перспективе развития района, оговорился, что он и его единомышленники видят объединение именно как кооперацию. Как единое районное хозяйство, имеющее, грубо говоря, статус макроколхоза. И эта его мысль естественна, принцип кооперации открывает более широкие возможности перед каждым юридически самостоятельным хозяйством-пайщиком. Хозрасчет и регламентация хозяйственного поведения несовместимы!

И тут на пути РАПО серьезные препятствия. Вилнис Клейнбергс счел необходимым обратить мое внимание на то, что в деле финансирования объединение встречает помехи. Например, из года в год на селе не осваиваются полностью капиталовложения. Почему? Их направляют целево. Обязательно в адрес определенной отрасли. Но в жизни все отрасли не растут одновременно: это не грибы под ровным дождем. Давно пора бы денежные средства направлять в адрес РАПО. А уже его правление вполне бы распорядилось капиталом, вложило бы его в самые необходимые объекты, в отрасли быстрой отдачи. Например, огромные средства уже много лет идут на мелиорацию, но сейчас эта отрасль не испытывает былых серьезных затруднений.

Беда и со штатами: их утвердили более пятнадцати лет(!) назад, а Министерство финансов СССР ни шагу не сделало навстречу РАПО, оно не желает считать с его кооперативной сущностью, и пятый год видит в РАПО прежнее сельхозуправление лишь в новой одежке...

НА ВСЕХ уровнях идет по стране разговор о несовершенстве планирования. Тема не для полемики — настолько очевидны палки в колесах. Теперь есть РАПО, и казалось бы, план-заказ пора решиться спускать на имя правления Объединения, а не верстать культуры по площадям отдельно для каждого хозяйства: столько-то сейте зерновых, столько-то трав, столько-то вам оставляем паров, а скотину держите лишь такую и столько-то голов. Иногда в одном хозяйстве сталкиваются до сих пор виды животных или птицы, не соответствующие растениеводству, кормовой базе. РАПО выправляет это положение, РАПО как бы разглаживает морщины на карте района. Но принцип планового давления, принцип «всем сестрам по серьгам» остается. Потому и сеют в «Дундаге» те культуры, которые там, на торфяниках, не дают урожая: была бы только заплаточка на карте землепользования, да была бы она заштрихована к сроку...

Сейчас производители мяса и молока, зерна и фруктов отлучены от живой реализации продукции сельского хозяйства, от прямых связей с внутренним рынком страны, с покупателями. Казалось бы, есть, живет и работает РАПО. Так нет, живучи все еще и лимиты на внутреннюю реализацию сельскохозяйственной продукции. Велика тоска по рынку, по своему покупателю — без этого нынешний колхозник (а о работнике совхоза и речи нет) никакой не крестьянин, а всего-навсего исполнитель наемного труда. Например, РАПО открыло в Талсах свой магазин — событие! Там и цветы продают, там и... А вот кроме цветов, пожалуй, ничего на прилавках нет. В чем дело? Мед, черная смородина, квашеная капуста тоннами отправляются в десятки городов страны и за рубеж, согласно контрактам, а у себя в Талсах ничего или почти ничего. Стоп. Продавать разрешено только после выполнения бесчисленных планов. Да ведь и план никакой не предел. Есть еще и обязательства, а там грядет и допзадание, а еще есть у района народнохозяйственный план... И есть организации, которые следят, куда пошла продукция. За квитанции или — пока свеженькая — на прилавки магазинов РАПО? Так что практически не решен и этот вопрос. Пока простые смертные — потребители, покупатели так и не почувствовали, что существует РАПО. А вот тот же Имант Брауэрс предложил:

— Нашему колхозу посильно обеспечить всех жителей района всеми необходимыми продуктами питания. Мы готовы кормить вкусно и дешево. Пусть остальные тринадцать хозяйств, то есть все, кроме селекционной станции, выполняют контракты с государством, пусть продают на сторону хлеб, мясо, молоко, овощи, те же цветы... По рукам!

Он молодо улыбнулся. Имант Брауэрс. Азарт хозяйственника, смелого и умного, расчетливого и деятельного. Азарт его мне показался естественным, подходящим для времени широкого поиска в области укрепления экономики сельского района.

Слово «контракт» в контексте отношений селян с государством — новое слово. Оно знаменует тенденцию к упрочению этих отношений: хозяйств с государством. План хорош, да не всегда он помогает строить эти отношения правильно. РАПО, как я понял в Талсах, готово строить свои отношения на договорных началах. Это же подтвердил и экономист Викторс Биркманис. Контракт взаимобязателен для обеих сторон. РАПО готово взять производство и продажу государству самых различных продуктов сельского хозяйства. Но и государство в этом случае обязалось бы поставить ему необходимые и разные материалы: металл, лес, машины, удобрения, химикаты, горючее. Для районной кооперации. Хозрасчет расцвел бы! И тогда посмотрим, кто платил бы неустойку в случае нарушения условий юридически оформленного контракта. Деловые отношения — святы. Пока остаются взаимные упреки — мол, как уборочная или посевная, так с горючим перебои. Или другое — яблок навалом, а дальний горпищеторг от своих намерений отказался: кому убыток?

У РАПО есть трудности. Их не может не быть, дело-то новое. Ни на что пока не похожее. Знаменательно, что в Латвии теперь будет восемнадцать (!) районных аграрно-промышленных объединений. В республике модель подобной кооперации достаточно апробирована, она пришлась руководителям восемнадцати районов по душе. Предстоит, конечно, отработать механизм новых межхозяйственных связей, а главное, убедить вышестоящие организации, например, Госплан СССР, Министерство финансов СССР и Министерство сельского хозяйства СССР в эффективности новой формы кооперативного предприятия в районном масштабе. Оно вправе ожидать поддержки, конструктивного решения многих вопросов, для нашего государства неожиданных. В ряде случаев потребуются создать новые предприятия, дабы улучшить агросервис РАПО. Так считают ученые Латвии.

Ведомственные барьеры — бич. Их вот-вот сломит, отбросит энергия жизни. Энергия эта подчинена только законам экономическим. Все еще многие предприятия и организации далеки — в буквальном смысле — от полей и ферм, а их интересы слабо или вовсе никак не связаны с конечным продуктом нашего сельского хозяйства, с его удешевлением. Но нельзя не считаться и с тем, что в Латвии восемнадцать РАПО! Не исключено, что через год-два все двадцать шесть районов республики предстанут как двадцать шесть новых юридических лиц, дотоле не известных народному хозяйству страны. И тогда, несомненно, будет осуществлена новая программа — создание республиканского аграрно-промышленного комплекса.

Да, да, в Институте экономики Академии наук Латвийской ССР разработаны основные принципы организации РеАПК. Конечно, подобное возможно осуществить только при совместной и согласной работе самых разных, крупноблочных ведомств. Так снова и снова

прорывается тоска людей здравомыслящих, экономически образованных по согласованной работе всех, кто заинтересован в росте благосостояния страны. И в интеграции экономики города и села. Родятся тогда новые системы финансирования, планирования. Уйдет в прошлое многое, что сейчас мешает селянам проявить себя полнее, мешает стать подлинными хозяевами жизни в деревне. Я слышу голос Карла Рутенберга: «Постепенность!» Да, наломать дров легче всего, ломать — не строить. Сделать жизнь значительно трудней, — так сказал поэт, и он прав.

...КОЛХОЗ расставался с живой продукцией, с телочками, выращенными для соседних хозяйств. Когда-то их приняли на воспитание маленькими, двадцатидневными. И вот они «на выданье». Рослые, волоокие, спокойные. На каждую телочку заполнен паспорт. Я взял паспорт Миты, родившейся в день космонавтов — 12 апреля! Порода — латвийская бурая, чистопородная. Родилась в Гибульском сельсовете, выращена в колхозе «Драудзиба», ей 1 год 5 месяцев, вес 260 килограммов. Класс — элита-рекорд...

Ах, какая анкета! Ни одного зряшного пункта, все по делу, по науке... Чтобы покупатель сразу видел: документ достойной особы! Элита-рекорд. Не о каждом человеке такое скажешь. Когда-нибудь о Талсинском РАПО напишут: элитарная экономика. Но путь к рекордным показателям лежит через преодоление того самого поля, которое все же трудно перейти. Шаг в завтра — вот что произошло в Талсах. Событие историческое для нашей деревни.

1979—1981 гг.

ВЫШКИ ВЫШЛИ К МОРЮ

Мое последнее (пятое по счету с 1965 года) путешествие по Тюменской геологической провинции — это 2532 километра на вертолетах и болотоходах. Под ногами и траками — трясина. Да не одна она: под трясиной — горизонты упакованного временем добра. Тюменскими запасами стране предстоит жить долгие годы. Прирост добычи нефти, газа и производимого из них химического сырья отныне будем получать именно за счет Тюмени. Наступил сложный этап освоения Западной Сибири, в частности заобского Приполярья, освоения страны Мегиионии с чудом Самотлора...

1

...Место сбора — вертолетная площадка. Здесь вся жизнь утра. Так в Мегиионе, так и в Новоаганске, Уренгое, Тарко-Сале. Вахты ждут посадки. Ждать приходится — как когда. Мегиионский диспетчер

Шинкарев, которого заглазно и в глаза называют «маршалом», мучительно тасует экипажи, «борта» МИ-8 и МИ-4, пункты назначения... Улетают вахты на пять — семь дней; расстояния и маршруты, грузы и число человеко-смен разные. Увязать все это каждый раз наиболее целесообразно нелегко. Вся наличная кибернетика — голова «маршала». И власть на вертолетной в его руках. Люди к этому привыкли. Невыспавшиеся даже за дни отгула парни досыпают возле диспетчерской, принарядившиеся девушки то и дело перекладывают содержимое сумок и набитых портфелей, мужики повзрослее светятся, как стеклышко: в отличие от юнцов успели побриться, почиститься, с облегчением вдыхают утренний воздух гремящей винтами вертолетной.

В стороне ото всех — О Н А и О Н. Гитара их молчит. Транзистор настроен на волну детской передачи о храбром богатыре Лаур-Баларе. Едва слышно доносятся восклицания: «Кто вытопчет северную траву, тот потеряет молодость... Слався, героическая тьма-тьмуца!» Он изпод чуба смотрит на нее. Роняют редкие слова:

— Вечер пропал. Я заходил в общежитие... Пропал вечер...

— Зачем заходил, не знаю.

— А вообще зачем все это? Зачем ты здесь?

— Училась. А сейчас деньги нужны...

— Здоровье дороже.

— Здоровье? Зачем оно, если денег не будет? Я купаться люблю, юг люблю. Уеду.

— Я север люблю! Тут Мега, как море... Останусь.

Он тронул гитару:

Ни днем, ни ночью.

Ни днем ни ночью не смолкает в небе рев.

Зимой и летом

Стрекозы кружат и кружится наш вальс.

И днем и ночью

На вертолетной грозный маршал Шинкарев

Зимой и летом

Как будто в космос запускает нас!..

Шинкарев наконец-то укомплектовал наш бело-голубой Ми-8; летит вахта мастера Литвиненко на буровую Р-118, летят ОНА и ОН, с ними их вопросы и гитара. Все поспешаем почти бегом за энергичным командиром Геннадием Артемьевым. Командир очень молод и поэтому самый серьезный среди всех нас. Как только разместились на скамьях вдоль иллюминаторов, так большинство уснуло — привычка; лететь около часа, а может, и больше. Кто не спит, читает Стендаля, журналы «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», зачитанные номера роман-газеты. Привычное дело. Как в московском

метро или киевском троллейбусе. А вон тот молодой отец семейства — Сергей Долгушин.

Со сменой летел и мастер Василий Семенович Литвиненко. Ему не терпелось познакомиться корреспондента с молодыми бурильщиками и девушками-коллекторами. Но голос его заглушал грохочущий двигатель. Василий Семенович, страдающий от вынужденного безделья, через полчаса полета выразительно скосил глаза на статного парня в ржавой, как у всех, брезентовой штормовке. В ногах не рюкзак — авоська с книгами, как я понял тогда же, с учебниками. Взгляд бурового мастера передавал мне на расстоянии вполне доступную для скорой расшифровки мысль: «Герой возможной статьи...» В самом деле?

Искать легендарную тюменскую нефть приехал Сергей добровольно, попросил направить в нефтеразведку. На это ему надо было решиться, потому что к 1973 году даже приезжие знали, что нефтедобытником быть куда легче, да и надежнее как-то. Им город строят, у них и дороги бетонные, и план на Самотлоре с лихвой обеспечен, и заработки подходящие. А разведка есть разведка. Тут никакой ясности, сплошная романтика — бездорожье, костры, ночи в балках; и так до тех пор, пока черный фонтан не взлетит. А нет фонтана — шагай дальше, и не налегке, с гитарой и теодолитом, а перетаскивая свою буровую!..

Так вот Сергей Долгушин начинал, как все, с бурильщика. Сейчас помбур. Правая рука знаменитого в Мегионе мастера Литвиненко. Сергей коммунист. Член комитета ВЛКСМ орденоносного объединения «Мегионнефтегазгеология». Член городского комитета партии. А учебники возит на вахту потому, что он еще и студент-заочник, учится в саратовском политехникуме. Жить там, где Сергей живет, и отрабатывать те вахты, что достаются первопроходцам на бескрайних просторах Заобья, и еще учиться заочно — согласитесь, очень не просто. Но Сергей живет, работает, учится.

Молчит гитара, стоящая между парнем, который любит задавать вопросы, и его девушкой. Мне кажется, что гитара про них все знает и, может быть, вовсе не молчит, а вторит раскрутившимся над головой, над неоглядным бездорожьем лопастям:

*Тут нет как нет ни городов, ни гор,
Лужаек нет и нет совсем дорог!
Оставленный на юге Самотлор,
Как дома милого оставленный порог...*

Неужели Самотлор и Обь с Мегой остались на юге? Летим из жаркого сибирского июня в сторону мая с нежной первой зеленью, а за поселком Тарко-Сале нас ждет холодный свинцовый варт Приполярья. Река времени течет вспять. А дремлющая бригада Литвиненко спешит на буровую, значит, в близкое завтра. А Северное Приобье

осталось далеко на юге?.. Чудеса да и только творятся нынче в стране Мегионии, молодой стране нефтеразведчиков.

Вдруг крик над ухом: «Прилетели!.. Вот мы и дома!»

Внизу с крутым креном вращался вокруг буровой, как вокруг ажурной оси, Ваньёган. Один из островков на этом новом месторождении — только что зазеленевший лес, жутковатая темная топь и несколько балков — их дом, дом на неделю...

А через неделю снова на базу, в Мегион. В мир вполне обжитый, даже уютный, в котором Мега разливается летом, как море. Где живут ОНА и ОН, а еще мастер Василий Семенович, Сергей Долгушин, водитель-механик болотохода Николай Атаев, дизелист Валентин Васильевский — все, кто летел в то утро в мощно ревящем Ми-8.

Что же еще о Сергее Долгушине? Герои молчаливы и скромны. Сергей молчал. Выручила Валентина Ивановна, повар бригады: она крикнула всех прилетевших обедать. Первым на голос ее бросился Мурзик. Мы пошли за ним. Мурзик — славный, смешной пес, почти чистокровная лайка, но, как выяснилось, носить это звание Мурзик недостойн. Почему? Об этом за столом рассказал Сергей:

— Избаловался на вольных харчах. Лайка не просто порода, это как высшее охотничье звание. Я сам сибиряк, родом из Тобольска, так что понимаю... А сюда после армии приехал. Не усидел дома, хотя и в Тобольске такие дела разворачиваются!.. Но вся страна едет на Саянск, в Сургут и Нижневартовск. Самолеты летят, для поездов дорожки ведут... А я же сибиряк, и места эти, по существу, мои; моя родина. И нефть тоже наша, сибирская. Так что демобилизовался — и в разведку подался. А Мурзик вот плохой патриот. Отец у него был Шарик, тот, скажу я вам, настоящий был охотник. Хотя и стар, но дичь из воды таскал! Безотказный, сто километров по болотам ему нипочем. Мурзик как на свет появился, так понял, что дальше столовой бегать не обязательно. Он любит движок послушать, любит прокатиться с Колей Атаевым на вездеходе. Или поиграть с коллекторами, с Верой вот, например. А как услышит, что Валентина Ивановна хлеб нарезает, он первый ждет у двери столовой. Портит цивилизация; впрочем, иногда и людей портит...

Так неожиданно закончил помбур рассказ о смышленном Мурзике. И встал решительно — высокий, красивый. Пора было на буровую. Мурзик тоже засобирался, хотя бы проводить по лежневке, где не сыро и не очень грязно. Вокруг ногой не ступить, топи непролазные, но это, конечно, летом, а зимой благодать: дед-мороз надежно мостит!

Вот так и живут нефтеразведчики; вахты сменяют друг друга. Мастер Василий Семенович Литвиненко, повар Валентина Ивановна Мюгаева, дизелист Валентин Васильевский; водитель вездеходатягача, ветеран мегионской разведки (был здесь еще в 1965 году!) Николай Андреевич Атаев, а еще бурильщик Юра да коллектор

Вера — их много было тогда, дружных, молодых, острых на язык, многотерпеливых парней и девочек на буровой Р-118.

...В балке мастер работал на рации: «Адаптер! Адаптер-один! Прием!...» Надо было передать сводку, сколько метров прошли. Литвиненко был озабочен: не вытанцовывается план, хоть ты что делай... Предыдущая точка куда счастливее была! А Р-118 уже успела раз провалиться сквозь землю. Люди хоть целы остались... Мастер с кем-то спорил, уставясь невидяще в рацию:

— Лучше пришлите «Мишу» с емкостью! Погода? У нас? Еще не знаю, собак не видел... Как это при чем тут собаки? Собака валяется — ведро не постоит!..

Я глянул в дверной проем. Мурзик не валялся. Может быть, не хотелось или не знал старых примет...

Мы улетали. Внизу, словно в танце, плавно вращалась буровая вышка. Она отплывала все дальше, погружаясь в разбавленный синькой вечер. Потом скрылась. Остались глубоко на земле огни Р-118. Там работали, доставая для геологов керн за керном, Долгушин и его товарищи. Позже я получил телефонограмму: передовая бригада Литвиненко успешно бурит на Сороминском месторождении, которое считается спутником Самотлора.

2

У геологов в ходу прекрасное старое слово «провинция». На просторах Тюменской нефтегазовой провинции свободно разместятся такие европейские государства, как Англия, Италия, Испания, вместе взятые. Миллион квадратных километров... Не объять даже мысленно край перспективного экономического и социального развития. Нужно освоить его богатства: нужно заселить и, говоря языком газовиков и нефтяников, обустроить, то есть оборудовать, приспособить для эффективной работы и житья-бытья со всеми удобствами.

В основе промышленного наступления на суровую, все еще не обжитую провинцию лежит геологическая разведка недр. Нефтегазоразведчики ведут здесь поиск не одно десятилетие. Они руководствуются широко известным прогнозом академика Ивана Михайловича Губкина: пора начать систематические поиски нефти на Восточном Урале, то бишь на обширной равнине Сибири.

Сегодня буровые вышки геологов шагнули далеко на север от Среднего Приобья, ушли, оторвались наконец-то от берегов легендарного озера Самотлора. Они, как маяки, зовут на берега Ваха, Пура, Пурпе, Пякнур, Таза и Гыданской губы — дальше, дальше.

И если я когда-то по слогам запоминал таинственное слово «Самотлор», то теперь, разбуди меня, назову не менее экзотические названия новых месторождений нефти и газа: Варьеганское,

Ваньёганское, Вынгапуровское, Етыпуровское, Тагринское, Уренгойское, Мессояхское. Мир уже знает о существовании таких кладовых сибирских недр, как Федоровское, Холмогорское, Губкинское, Медвежье, Русское... Известно, что давно получена миллиардная тонна нефти со дня начала промышленной добычи в Тюменской провинции. За неполные десять лет. За это время на берегах Оби поднялись из непроходимых топей базовые города нефтяников и газодобытчиков — Сургут и Нижневартовск.

Вахты разведчиков улетают все дальше — стрелка их поискового компаса указывает на Север.

Назад с Р-118 захватил нас тяжелый «Миша». Он залетел на буровую к Литвиненко за подвеской — пустой емкостью, и вот взял нас на борт. Лезли в люк, теряя неправдоподобно большие ботинные сапоги, под грохот невыключенных (ради экономии времени) гигантских, чуть провисающих лопастей.

...Мегион — столица геологов на Меге. Это наша четвертая встреча. Узнаю и не узнаю твои берега, дружище, и всего, что окрест памятной конторы орденоносной Мегионской разведочной экспедиции. От бывшего избяного поселка осталось совсем немного; на месте величественных медных сосен и кедрача по-над кручей недавно посажены тоненькие деревца будущего парка. На каждом алеет, как пионерский галстук, ленточка. Там, где была довольно зыбкая вертолетная площадка 1965 года, теперь высажены трогательные деревца, а бетонные дорожки сходятся к мини-obelisku в честь первооткрывателей нефти. Рядом Дворец культуры «Прометей». А дальше улицы нового, незнакомого Мегиона, и есть в нем даже многоэтажные дома.

Круча над Мегой — венец — возвышается над зелено-голубым миром. Река в пору летнего разлива раздалась вширь, затопив дальний берег и прибрежные леса, — только верхушки деревьев нежно зеленеют, будто бакены. Далеко, у самого окоема, угадываются серебристые под солнцем контуры зимой возникшего нефтеперерабатывающего завода. Присутствие его там, за большой водой, — новое в пейзаже.

Внизу на реке слепят белизной первые с начала навигации суда, сплывшиеся с Иртыша и Верхней Оби. Работает линия речного конвейера — до ледостава. Вдоль берега, когда-то пустынного, и по дальней воде снуют туда-сюда сотни частных лодок: кто с утра за рыбой на Мыхпай сгонял, кто по случаю свободного от вахты дня с приятелями катается, кто за первыми диковатыми цветами тайги отправился всей семьей... Купившие автомобиль держат его возле дома: ездить практически некуда. Городок окружен непролазным таежным хаосом; но владельцам собственных моторов и лодок тут раздолье и все двадцать четыре удовольствия: рыбалка, охота, купания в дни сибирской жары, прогулки просто так, от избытка

физического и духовного здоровья. Заманчивы дали, первобытна тишина и безлюдье. Их почти не нарушает треск моторов в небе и на реке.

Конец июня, а все еще прохладно — рядом дышит Заполярье. В Тарко-Сале при мне вился последний снежок — 27 июня. Похолодание старожилы объясняют подвижкой льда у Салехарда, на Ямале, в Обской губе. Может быть...

— Старик Обской сердится, не любит солнышка, — шутит, изъявив желание познакомиться, седовласый крепыш с буханкой свежего хлеба в руках. О сердитом Старике Обском он знает понаслышке от хантов, а сам, как тут же выяснилось, буровой мастер, недавно вышел на пенсию да так в Мегионе и остался. Сколько отдано делу Среднего Приобья — теперь не уедешь. Протянул руку: Олег Борисович Темиров. До сих пор иногда вылетает с вахтой на буровую. Да, в Мегионе уже появились свои пенсионеры, мужики кряжистые и дееспособные — буровики оформляются на заслуженный отдых с пятидесяти пяти лет.

И здесь же, над Мегой, состоялась нежданная встреча с мастером Григорием Ивановичем Норкиным. Знакомая могучая фигура в дождевике. Лицо прекрасной грубой лепки, мохнатые седые брови. Руки прежней силы — никак не назовешь Григория Ивановича стариком. Оказалось, что и Норкин на пенсию вышел. Однако он здесь, на солнечном берегу Мегиона, стоит, как бывало, словно ждет катера на ту сторону, где забурилась его новая буровая... А я вспомнил май 1965 года, буровую Р-1, что стояла на диком берегу Самотлора, окруженного темной заболоченной тайгой. Тот нефтяной фонтан на Р-1 был первым на Самотлоре. Слава его облетела мир. Так уж случилось, что открытие пришлось на бригаду Норкина, одного из первооткрывателей Мегиона. Потом была ясная ледяная майская ночь, мы жарили карасей, Григорий Иванович рассказывал о себе. Не давались мастеру слова первого в жизни интервью. А мне по молодости хотелось сказать, что имя его отныне вошло в историю развития Сибири!.. Но и тогда Норкин был нелюдом, и своего характера мастер менять не собирался. Типичный сибиряк, родом из томской тайги, он до войны был охотником-промысловиком, даже успел председателем артели пожить, но тут сразу война. Как все, воевал. Встретил май 1945 года в Берлине, и тут же бросок на танковой броне до Праги; а когда его демобилизовали, он в тайгу не вернулся. Определился в «бродяги» — к геологам...

Не узнал меня Григорий Иванович.

— Тут лисоферма была, — показывает Норкин мне, как новичку. — Несколько избушек, ханты жили. Когда приехали, бурила одна моя бригада, а теперь вон их сколько — Макар, Крюк, Литвиненко... А мы сами вышки монтировали. Все сами делали. Теперь, конечно, специальные службы... В Мегионе побольше ста

учреждений! В одном управлении полтораста человек, считай. Да на точках тысячи три работают. Сила. Я сейчас на Ермаковской площади. бурим скважину Р-370...

Нет, не узнал меня старый мастер... Имя Норкина отлито из металла на памятном обелиске. Его именем при жизни названо одно из новых месторождений — Норкинское. Есть и Повховское месторождение, названное в честь другого мастера — Степана Ананьевича Повха, чья бригада пробурела первую промысловую скважину № 200. Есть Суторминовское месторождение, а в Мегионе — улица имени геолога-первопроходца Сутормина. В новом городе Сургуте есть улица Малик-Карамова — был такой буровой мастер. А недавно открыто Карамовское месторождение, оно чуть севернее Суторминовского. В поселке разведчиков Тарко-Сале к вертолетной площадке ведет улица Тарасова; она названа в честь неустрашимого нефтеоткрывателя; а 23 июня при мне одна из скважин на Тарасовской площади дала нефть. Первый пробный фонтан Тарко-Сале! А рядом отсыплют на болотах насыпь железной дороги до Уренгоя. И светится в золотых сосновых стружках будущий город Ноябрьск...

Словно гигантские шахматные фигуры, переставляют геологи свои буровые вышки, врываясь в Заобье, за Полярный круг, делая рискованные ходы на неверной доске вечной мерзлоты. Геологов торопят. Мало добытчикам разбуренных, открытых и защищенных перед государственной комиссией запасов нефтегазоносных площадей. Даже Самотлора, видите ли, мало! И промыслов близкого Мыхлая недостаточно. Вот почему так спешно разбуриваются площади на Варьёгане, окрест Тарко-Сале и Уренгоя. Конечно, таких, как Самотлор, может и не быть. Но экспедиции ведут настойчивый поиск в недрах лесотундры, теперь уже в Заполярье.

3

Вертолет взял курс на Тарко-Сале, далее — на Уренгой и к берегам Таза. Флагманский вертолет «Главтюменьгеологии». На борту — начальник главка, легендарный геолог Салманов. Фарман Курбанович — один из первооткрывателей западносибирской нефти, ветеран Усть-Балыкской экспедиции, Правдинска. Это он послужил прообразом для героев нескольких книг, спектаклей и кинофильмов. Лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда. Он отправился в инспекционный облет Тюменской геологической провинции. Его ждали в экспедициях от Оби до Карского моря: план бурения разведочных скважин выполнялся в ту пору с трудом. Хотя с начала года уже пробурили на сто тысяч метров больше, чем за то же время в прошлом году. Возросла и коммерческая скорость разведочного бурения. Есть и рекорд месячной проходки. А две экспедиции

перевыполнили полугодовые планы... И все же до хорошего настроения далеко. Салманова не проведешь, он знает, почем метр болота. Знает цену каждому керну. Салманов демократичен по форме общения, но строг, даже беспощаден к недорабатывающим, таков он по самой своей сути требовательного геолога, ныне начальника тюменских нефтегазоразведчиков. У Салманова есть график ведущихся работ. В нем нашла свое место каждая — буквально каждая — буровая, и каждое — судно, продвигающееся по Оби и далее по Обской губе, и — каждый вертолет — с вахтой ли, с грузом ли, с подвеской ли. И каждая цистерна, вообще любая емкость с горючим. Ох, уж эти клеточки, покрашенные синим, красным, черным фломастерами! Их-то больше всего и боятся начальники, инженеры дальних экспедиций. А рация неумолима: «Салманов в воздухе. Будет через два часа. Ждите!»

Слишком нелегкую жизнь прожил до своих нынешних пятидесяти Фарман Курбанович, чтобы теперь мирволить там, где головотяпство и ротозейство, где, ссылаясь на непроходимые болота и вечную мерзлоту, задерживают открытия нефти и газа и даже срывают их передачу промысловикам, у которых свой план.

На нашем вертолете мягкие кресла с белянькими покрывалами. Когда на борт по пути подсаживали небритую, хмурую вахту, надо было видеть недоумение и тихий восторг буровиков! После недели, а то и двух, прожитых на буровой среди ржавых, ненасытно чавкающих болотин,— цивилизация! Ну, а когда начальник и руководители экономических, речных, авиационных, снабженческих и прочих служб возвратились восвояси в Тюмень, дабы подытожить впечатления, перевести их на язык цифр реально сложившейся в провинции ситуации, мне пришлось продолжить путешествие на рабочих прокопченных вертолетах. Тут уж надо было не зевать! Экипажи не ждали: с ходу выбрасывали инструмент, забирали тех, кто успевал добежать до их машины, цепляли к стропам подвеску и улетали. Зевнул — жди. Быть может, придется ждать несколько суток...

Полет из лета назад в свинцовый март на берегу Тазовской губы запомнился. Это там, под дождем, успел пригласить начальник Тазовской экспедиции: «Прилетайте летом! Летом у нас хорошо!» Он, видно, шутник, этот Константинов! Или оптимист... Что ж, как-нибудь слетаем к Владимиру Константинову в Тазовское — летом! Только когда же наступает здесь оно, лето?

Обычно вахта летит до буровой час-полтора. Куда бы и сколько бы ни летел, в голубом иллюминаторе одно и то же: ржавая, в пятнах, крытая редколесьем, неоглядная, словно изболевшаяся низменность — за водой, под водой, над водой. Редко проплывут внизу чум, или одинокая ладья одинокого рыбакова, или десятюк важенок с летошними малышами. Вблизи Самотлора привычно маячат некрасивые факелы попутного газа. Где-то за Уренгоем гудит у края

земли столб пламени — это выброс, смерч с температурой под тысячу градусов; его не могут унять несколько месяцев. Гнев земли — так, наверное, называют этот вырвавшийся огонь манси или ненцы.

— Оленьи тропы! — кричит прямо в ухо буровой мастер Николай Глебов из Уренгоя.

Троп много. Все сходятся к водопоям и местам лежек. Но там, где прошли гусеничные болотоходы, ягель заплешивел. Где плечи отмершего ягеля побольше, там белеют пески. На месте недавних пожаров пески вошли в силу.

Причина пожаров одна — присутствие человека. Вездеходы красиво искрят на скоростях — вот и тлеет, разгорается вековой мох. Вертолетчик бросил окурки, если он не погаснет в падении, то «живым» достигнет сухого, как порох, летнего ягеля...

Николай Дмитриевич Глебов — бригадир знаменитой комсомольско-молодежной бригады. Он Герой Социалистического Труда.

Уренгой — полюс мощного газового месторождения, и Николай Глебов — один из его славных первооткрывателей. Он, хотя и молод, неплохой воспитатель ребят, связавших судьбу с геологоразведкой. Под началом Глебова человек тридцать, значит, несколько вахт; люди разные, но костяк бригады держится уже семь лет. В этом единении, противостоящем обстоятельствам, его заслуга, мастера Николая Дмитриевича. Он мягко улыбнулся: «Просто я помню, что можно и нефть не найти и человека потерять...» Я так понял мастера Глебова: о человеке он всегда помнит. Не сомневаюсь, что именно поэтому ребята из бригады Николая Глебова выполнили четырехлетний план буровых работ за два года и пять месяцев! Герои — тут уж ничего не скажешь.

Они летают без крыльев. Об этой способности первопроходцев спел дизелист на Р-177:

*Хоть днем, хоть ночью,
Летать без крыльев — это, согласитесь, бред!
А между прочим, а между прочим,
У вертолета этих самых крыльев нет, нет, нет...*

Но они летают — на вертолетах, иных видов транспорта нет.

За пятилетку в Западной Сибири планируется освоить не менее двадцати восьми месторождений. На проектирование каждого из них нужны два года. Два года!.. Если не изменить старую методику, не пойти по новому пути проектирования. Сейчас на помощь пришли вычислительная техника, математические методы обработки информации. Нефтяники и газовики нетерпеливы — их подгоняет план добычи. И ученые-проектанты это понимают. Они теперь выдают проекты чуть ли не за полгода.

Но проект — только начало. Чтобы обустроить месторождение, нужна целая индустрия! Промысел — это прежде всего дороги,

насосные станции, компрессорные станции, теплостанции, групповые установки измерительной техники и так далее. Все это надо доставить на точку, не имея дорог. Смонтировать там, где нет под ногами земли. Дело делается долгие месяцы, даже годы. Выхода, казалось бы, нет — достаточно пролететь от Сургута или Мегиона до Таза и увидеть хотя бы из иллюминатора вертолета сплошные болота, хаос лесотундры. Вот почему нефтяники сравнительно долго проживались у берегов Средней Оби и известного Самотлора, строили Сургут и Нижневартовск. Брали ближнюю нефть, которая сама собой фонтанировала, и не скоро собирались осваивать дальние кладовые, предсказанные и открытые геологами. Да, собственно, их нужд никто и не планировал до самой десятой пятилетки.

Однако нефть и газ заставили конструктивно решать проблемы освоения Западной Сибири. Вот лишь один пример — применение так называемого блочно-комплектного метода строительства промыслов. Теперь на монтаж промысла уходят не полтора — три года, а нередко всего несколько недель. На заводах в Тюмени, то есть на Большой земле, изготавливают и монтируют крупные блоки компрессорных установок, тепловых и насосных станций. Затем их на месте начинают приборами, автоматикой. Комплект потом доставляют на заранее подготовленную точку — насыпной остров или фундамент на сваях. Зимой контейнеры с таким блоком оборудования доставляют по зимникам. Летом — на баржах по Оби, по слиянию рек и их притокам, достигающим любых глубин нефтяной провинции.

Невмогуту стране ждать тех семи-восьми лет, которые практически проходят со дня открытия месторождения до реальных тонн нефти и кубов газа. Так произошло с известным Федоровским месторождением. Не дожидаясь окончательного подсчета запасов, рискнули разработать технологическую схему промысла на основании всего пяти разведочных скважин! Риск оправдал себя: через два года Федоровское месторождение начало выдавать нефть...

4

О геологах, их позиции интересный разговор был в Мегионе с начальником объединения Валентином Андреевичем Гавриковым. Валентин Андреевич — из второго поколения мегионских разведчиков. В нем угадываешь все типичные черты современного руководителя. Лежит на человеке некая печать времени. Начитан, чужд шаблонного образа мышления, свято предан научно обоснованной технологии поисковых работ. Короче, человек на своем месте. Так не всегда бывает. Над внеплановой штурмовщиной и телефонными «давай-давай» горько иронизирует. С болью, как видно, переносит «покорение» открытых месторождений. Профессионал, он видит недра

насквозь. Сквозь землю видит. Видит то, что не всегда видят те же промысловики; у Гаврикова глаза геолога и человека, помнящего о наших обязательствах перед потомками. Экология для Гаврикова не мода. И не только тема разговоров за чаем.

Мысль Валентина Андреевича проста и честна: грамотный, ответственный подход к проблеме освоения очевидных богатств даст куда больше, чем непродуманная самодеятельность различных ведомств в регионе. Я об этом же слышал от специалистов еще в 1965 году! Брать нефть и газ надо бы единой рукой. Помня, что людям, тысячам переселенцев нелегко придется в местах, где царят вечная мерзлота, бездорожье, гнус. Поспешая с протянутыми руками к сибирским кладовым, покорители природы так и не смогли избавиться от грехов многоведомственности. Кто бурил, кто городил временки, кто уже черпал нефть, сокрушая и смешивая горизонты; и множились факелы, врывалась в нефтеносные пласты вода... Я запомнил еще по первой нашей встрече в 1971 году, что Валентин Андреевич не отделяет проблем хозяйственного освоения региона от проблем социологии и геологии. Он и семь лет назад объяснял мне: если нарушить технологию промышленного освоения в столь грандиозных масштабах, то неизбежен ущерб экономике. Помню, его беспокоила одна мысль: «Важно не изгадить геологию открытых месторождений». Самая пора вплотную заняться тем, чего не сделали своевременно. Прежде всего предстоит совершенствовать технологию добычи нефти и газа. Надо бы отказаться от временных схем эксплуатации, от ускоренных пусковых, внеплановых объектов. Тогда и добыча максимально приблизится к объему наличных запасов, которые установлены геологами, рыцарями разведки недр. Пока же берут треть, в лучшем случае половину нефти...

Валентин Андреевич пылливо спрашивал, надо ли бесконечно восторгаться давно открытым и тем, что новоселы уже сделали с отвагой и честью? Он за то, чтобы работать на будущее Тюменского территориально-производственного комплекса. «Здесь интереснейшее поисковое поле», — и строгие глаза Валентина Андреевича смотрят уже не так строго. Даже нежно. Бур лучше, чем микроскоп. Буровая — это лучшая лаборатория для геолога. Геологи, они ведь в богатстве сибирских запасов не сомневаются, — я так понял рационалиста Гаврикова. Он как о реальном говорил о весьма перспективных новых «этажах» тюменских недр, которые глубже тех, что вскрывают добытчики сегодня. Но прогнозы подтвердит только разведочное бурение. Вот почему геологоразведчики Салманова спешат, требуют фронта работ, новых буровых станков, жилья и вертолетов. Я думал, что геологам, подлинным героям века, все карты в руки, им почет и соответствующее полевым условиям материальное обеспечение. Как бы не так! Например, только в этом году геологов уравнивали в оплате с нефтяниками. Мягко говоря,

невнимание к пионерам, романтикам привело к тому, что за последнее десятилетие сложилась ненормальная ситуация: объемы поисковых работ, разведочного бурения не только не выросли, но даже уменьшились. А кто же наступает без разведки! И вот оказалось, что готовых к передаче нефтяникам площадей меньше, чем их могло бы быть. Люди в экспедициях готовы обойтись без дорог, без крыши над головой, без домашнего очага и уюта. А выгодно ли в конце двадцатого века без дорог, без передвижных поселков, без очага и уюта? Без внимания остались просьбы о промышленном изготовлении жилья и походных вагончиков в северном варианте. Хорошо бы для геологов, буровиков, работающих на искусственных островках в крае болот, создать специальные модели одежды и обуви. Хорошо бы... И снабжать их походными, заранее расфасованными и разнообразными видами продуктов, где было бы много белков, витаминов. Сейчас каждый килограмм консервированных овощей с Большой земли оборачивается грузом в десять тонно-километров! Газом топят тундру, а теплицы по пальцам пересчитаешь...

Геолог всегда в пути, надолго оторван от базы, нередко и от котлопункта — основы основ всякого походного движения: «А я еду, а я еду за туманом...»

Но Валентин Андреевич меньше всего говорил о проблемах комфорта и технической оснащенности. Волновало то, что волнует сегодня многих в Тюменской провинции, — межведомственные барьеры. Неувязки. Поиск нефти и газа в стране ведут три министерства: геологии, нефтяной промышленности и газовой. А по существу (таково мнение и академика А. А. Трофимука, директора Института геологии и геофизики), два министерства — нефтяной и газовой промышленности — обязательной для них доразведкой в Западной Сибири почти не занимаются.

— Наше дело — уходить вперед! — убежден Гавриков. — Мы должны подтверждать прогнозы. Пусть даже в общих чертах — не это страшно. Главное, быстрее передать месторождение промышленникам. А уж их забота — доразведать. И — разработать площади. У них для этого есть и собственные средства и умение. Экономически такое распределение ролей выгодно. Освоение пойдет быстрее!..

Неудивительно, что проблем тут много — такова жизнь. И таковы требования жизни к людям, осваивающим далекий необжитый край. Нефть так нужна государству, что она способна окупить любые затраты, направленные на освоение Западной Сибири. Направленные на благоустройство городов и поселков, бетонных и железобетонных дорог, аэродромов, которых десять лет назад не было на карте. Рыцари разведки недр всей стране радируют: «Вышки вышли к морю»... На берегу осталась песня: «Все больше скважин, все глуше тундра. Когда-нибудь расскажем, как было трудно, трудно, трудно...»

БЫЛО солнечно и тепло. Обь пересекала Тюменскую область. С востока на запад. Обь из меридиана превратилась (на время, на несколько сот километров) в параллель. А где-то наверху, в старожилых местах остались обочь прогресса Лукашин Яр и стрежневые пески — особо удобные места для притонения невода с осетрами... То и дело проносятся утки. Им через месяц ставить на крыло молодежь. А там — и охотничий сезон.

Поплыл мимо сознания еще один тихий вечер, и был костер на берегу с ведерком (не стерляжьей ли?) ухи. Берега даже Меги весна пораздвинула шире некуда. Леса, как пушкинские богатыри, выходили из воды. Сколько же километров труб, чудовищных полениц у кромки воды! Выше слепили серебром резервуары с нефтью, отвечали закатом на закат горы кирпича. И — баррикады мешков с цементом; там и тут панели для будущих домов и для них же изжелта солнечный лиственничный брус... Выгорел плакат «Добро пожаловать в город покорителей Самотлора!» Современные пушки с берега палят, кораблю пристать велят... Пушки не палили, но неподалеку тарактел движок да у самого берега натужно ревели амфибия, прикатившая за почтой. Так, что ли, провозглашалось когда-то: Нижневартовск (старый черный поселок среди топи) «умер», но — да здравствует Нижневартовск! Новый, многоэтажный, смонтированный в сваях город: как Питер, только ходули бетонные...

Отчего так волнует человека возвращение в места знакомые хоть и далекие, которых со временем не узнать? Ни родных, ни близких, ни дел, оставленных здесь... Но вот же колотится сердце, и всматриваешься в каждого встречного-поперечного, а вдруг вместе летели на Варьёган? «А помнишь, тут вот ничего не было!» И глупо гордишься неузнанным. Как я внутренне торжествовал, слушая рассказы молодых новоприбывших в Нижневартовском райкоме партии и в Мегионе: новость за новостью! Я-то знал, тут теперь вся жизнь несопоставима с той, что была в 1965 году, когда залетел сюда впервые. Тогда еще никто не знал, какие такие богатства у бродяг-геологов под ногами, под траками вездеходов, под мхами, обогранными соком летошней клюквы. А под ногами было море Губкина, нефтяное море страны Мегионии.

Да, есть такая страна в моей географии. Там и берег Баграса, где одолевала, превозмогла судьбу свою партия Салманова; там и вот этот берег Меги, где счастливо высадил свой десант в 1962 году Владимир Алексеевич Абазаров. Помню и слова популярного среди журналистов начальника Ю. Г. Эрвье в мае 1965 года:

— Летите в Мегион с okazji. Как раз сегодня там открыли месторождение. По счету пятое за три года...

Пятым был Самотлор!.. Кажется, была пятница, 28 мая. Из Усть-

Балыка в тот день сообщили: «Мощно фонтанирует скважина № 120, свободный дебит до 470 кубометров в сутки». Но Усть-Балык был известен газетчикам, и тогда Юрий Георгиевич посоветовал лететь на Меги, в Мегион, о котором и сам надеялся узнать подробности только в понедельник.

Добрался попутным вертолетом. Спецрейсом везли в старый поселок Нижневартовск, давший теперь имя городу по соседству, великолепную вывеску черного стекла: «Трест буровых и разведочных работ «Тюменнефтегазразведка». Вертолет выметнул меня на бревенчатый плот, просевший в ржавую зыбь. Было воскресенье. Никого в Мегионской экспедиции. К двери конторы приклеены листочки бумаги. Кто-то наспех сообщал всему миру и воскресному безлюдью: «Р-1 на Самотлоре дала фонтан! Свободный дебит — 350 кубических метров!»

Первая ласточка — скважина разведчиков... Через десять лет вокруг озера Самотлор разбурили тысячу триста скважин — промысловых. Дальше — больше.

Над Мегионом чистое и по-северному высокое небо. То ли день, то ли ночь. Так светло. В мире и на душе. И вдруг стемнело, и река уже с трудом шла против ветра. И навалилась гроза, которой не было здесь удержу — ни лесов великих, ни холмов-гор, воля ветру. Осерчал бог предков наших Старик Обской! Пожелал втуне напомнить, что север здесь, что жить с приходом буровых вышек не стало легче. Притихли затопленные притундровые леса, но ни одна вышка головы не пригнула, только ветер выл в стальных переплетах и тросах. И металась свинцом налившаяся река и никак не могла достать огней Мегиона.

В гостинице нефтеразведчиков Старик Обской не страшен.

В ту ночь мне снилась нефть в золотой колбе. У нее был цвет гречишного меда.

А за стеной раскачивало мир. Не по-речному высокие волны наваливались на твердь земную так, будто Обь пошла вспять и теперь возвращает Меге многотонный должок...

Утром мир являл собою непривлекательную кривую: обрушенный берег, вода, небо... Голо, выпукло. Вахты привычно брели на вертолетную площадку, чтобы разлететься по площадям бурения далеко-далеко от Меги.

Мегион и посегодняя точка отсчета. Поскольку мерой всему по-прежнему остается Самотлор и его нефтенасыщенность. По Самотлорскому месторождению равняют удачи, сроки и невзгоды там, где ставят новые буровые разведчики нефти и газа. А вышки вышли к пустынному Карскому морю. И шагнули за край земли. Вышки теперь уже над островами Ледовитого океана... «Харасавэй» — новый пароль нефтеразведчиков, которых теперь частенько посещают телерепортеры и у которых прочен воздушный мост, незримой раду-

гой перекинутый над коротко зеленеющей, а в общем-то вечно белой тундрой. Новые времена — иные песни. Недостигаемое стало планово близким, и даже от Тюмени до Таза и дальше, до Харасавэя рукой подать. Велика Тюменская провинция, как принято говорить у геологов, но и она обживается всерьез и надолго.

Я хорошо знаю тамошних тундрожителей, обитателей Мегионии и пограничных с ней Уренгоя и Таза. Первобурильщики и первооткрыватели, знаю, о чем они молчат, о чем поют: «...что остается от сказки потом, после того, как ее рассказали?...» Каждый вечер после вахты спрашивает гитара. Что остается от сказки для взрослых? Помоему, остаются будни. Если Сезам — сказка, то будни — Харасавэй, открывшийся ученикам Губкина. Открывшийся даже тем его внукам, которые об Иване Михайловиче, вполне возможно, и не слышали.

1978 — 1982 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Валдайские родники	3
Это произошло в Талсах	24
Вышки вышли к морю	47

Николай Андреевич Быков
ЭТО ПРОИЗОШЛО В ТАЛСАХ

Редактор М. М. Жигалова.

Технический редактор В. Н. Веселовская.

Сдано в набор 10.05.82. Подписано к печати 21.07.82. А 00666.
Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 4,09.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 1624. Зак. № 2482. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ВНУТРЕННИЙ ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМ 1982 ГОДА**
выпущен сроком на 20 лет с 1 января 1982 года
до 1 января 2002 года.

● Облигации займа свободно продаются и покупаются сберегательными кассами.

● Облигации займа выпущены достоинством в 50 и 25 рублей. Облигация достоинством в 25 рублей является половиной пятидесятирублевой облигации. По облигациям займа доход выплачивается в форме выигрышей.

● Выигрыши по займу установлены в размере 10.000, 5.000, 2.500, 1.000, 500, 250 и 100 рублей на пятидесятирублевую облигацию, включая нарицательную стоимость облигации (по облигациям достоинством в 25 рублей выплачивается половина выигрыша).

Владелец выигрыша в 10.000 рублей имеет право на внеочередную покупку автомобиля «Волга» или легкового автомобиля аналогичного класса, а выигрыша в 5.000 рублей — автомобиля другой марки классом ниже. Разница между стоимостью автомобиля и суммой выигрыша вносится владельцем выигрышной облигации.

● В течение двадцатилетнего срока займа проводятся 160 тиражей выигрышей — 8 тиражей ежегодно в следующие сроки: **15 февраля, 30 марта, 15 мая, 30 июня, 15 августа, 30 сентября, 15 ноября и 30 декабря.**

● В эти же сроки будут проводиться тиражи выигрышей по Государственному 3-процентному внутреннему выигрышному займу 1966 года.

● После проведения 30 июня 1986 года последнего тиража по займу 1966 года владельцам облигаций предоставляется право до 1 июля 1987 года обменять их в сберегательных кассах на облигации Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года на льготных условиях, то есть без уплаты курсовой разницы.

● Выигравшие облигации займа 1966 года, а также облигации этого займа, подлежащие выкупу по их нарицательной стоимости, могут быть предъявлены к оплате до 1 июля 1988 года.

● Находящиеся в настоящее время у населения облигации Государственного 3-процентного внутреннего выигрышного займа 1966 года по-прежнему свободно покупаются сберегательными кассами и участвуют в тиражах выигрышей, которые будут проводиться до истечения срока займа (до 1 июля 1986 года).

● Облигации Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года являются удобной и выгодной формой хранения денежных сбережений населения.

Правление Гострудсберкасс СССР